

Даниил Шварцман

СЛОВНО СОН

Сага о Хильде

16+

Даниил Олегович Шварцман

Словно сон: сага о Хильде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64784936

SelfPub; 2021

Аннотация

Нет хуже участи, чем пасть бесчестно вне поля боя. Хильда, дочь Харальда, теряет своего мужа и всеми возможными силами пробивается в мир мёртвых – Хельхейм – куда попал её муж вместо положенной Вальгаллы. Девять миров, девять испытаний, девять снов. Один, норны и прочие существа мифологии, против одной человеческой женщины, которой движет любовь и вина. А может это всё всего лишь сон?

Содержание

Völuspa	4
Kaflí eitt: þar byrjar það allt[1]	7
Kaflí tvö: níu draumar[2]	23
Kaflí þrjú: Allt ek veit óðinn. Hvar þú auga falt[3]	45
Kaflí fjögur: hvar er leið til himna frá jörðinni[4]	55
Kaflí fimm: það er ekki aftur snúið[6]	72
Fyrsta réttarhald: þolinmæði[7]	72
Þriðja réttarhöldunum: auðmýkt[11]	93
Níunda réttarhöldunum: eðli rúnar[17]	129
Sverði[18]	136
Kafla sex: bara eins og svefn[19]	138

Даниил Шварцман

Словно сон: сага о Хильде

Völuspa

Völuspa

44.

*Bræðr munu berjask
ok at bönom verðask,
munu systrungar
sifjum spilla.*

*Mun engi maðr
öðrum þyrma.*

*Hart er í heimi,
hórdómr mikill,
skeggöld, skálmöld,
skildir ro klofnir,
vindöld, vargöld
áðr veröld steypisk.*

Пророчество о Рагнароке:

Братья возденут меч против друг друга,

И убьют они друг друга.

Двоюродные нарушат мир друг с другом;

Мир станет тяжким местом для жизни.

Это будет век прелюбодеяния, век топора, век меча.

Щиты будут расколоты, наступит век ветров, волчий век,

Перед тем как мир потонет.

Перед тем как начать, чтобы ты, мой дорогой читатель, чувствовал самое насыщенное погружение в мир скандинавской мифологии, хочу тебя предупредить, что названия для глав написаны на исландском. Но и краткий курс по чтению исландского тоже тут, чтобы к концу книги ты мог легко читать такое название, как *eujaƒjallajökull*.

þ – читается как ‘th’ из английского *thought*. Язык зажат между зубов.

ð – читается как «з», но приглушенное на выдохе. Язык поднят к верхним зубам (*Sverði* – сверзи).

Hv – читается как «Кв» (*Hvar* – Квар).

Tt, kk, pp – аспирировано. На выдохе произносится t, k или p. (*Ekki* – эйки).

Ll – сложный звук, но приближен к «Тл» (*jökull* – Ёкютль).

Au – читается как ‘öj’ (Ёй) (*Draumar* – Дрёймар).

Æ – читается как Э (*Hægra* – Хэпра).

Ei/Ey – читается как А или Эй (*euja* – ая/эйя).

Ö – похожа на звук Ё, но исходит из глубины глотки (Öl = пиво).

Многое, что ты встретишь в этом рассказе – это комбинация мифов и легенд, чтобы создать новую вселенную, где

всё, во что люди верили, реально.

Kaflí eitt: þar byrjar það allt¹

Холод. Как же холодно. Кусачий ветер дул со всех сторон, замораживая всё живое на своём пути. Голые чёрные горы, словно зубы ужасного чудовища, окружали весь Ётунхейм, не давая главной головной боли Асов выбраться слишком далеко. Земля совершенно бесплодна – лишь камни и блестящие голубым цветом морской волны кристаллы, что освещали путь Хильде. Она ранена, она еле передвигала ногами, на ресницах образовалась тонкая корка льда. Капли крови замёрзли на её пальцах, прямо где она держала свою синюю от холода ладонь – глубокий порез от удачного, а может, и счастливого удара мечом Ётуна. Уже здесь и сейчас всё могло закончиться, ведь всем девяти мирам известно, что бури на земле великанов – самые суровые и в них выживают лишь сами Ётуны и Тор Громовержец, которому всё нипочём. Хильда не один из Асов – она простой человек, который погибнет при ужасном морозе – а по-другому назвать мороз тут нельзя!

Пещера – тёмная и холодная, но это единственное спасение от лютого мороза. Хильда сделала три шага внутрь, упала, проползла чуть подальше от входа и потеряла сознание. Бой измотал её, а глубокая рана оставляла ей мало времени,

¹ Глава первая. Там, где всё началось.

и вряд ли ей дожить хотя бы до окончания бури, на холодных камнях она испустит дух ещё скорее.

«Проснись!» – звучал её собственный голос в голове. Она не может сдаться сейчас, когда уже смогла пройти через два мира и так близка к своей цели. Ветер завывал снаружи, по земле бежал холодок, её ноги начали неметь.

От входа напрямик на неё надвигалась корка белого льда, что хрустел и трещал, будто пожирая и перемалывая камни под собой. Ходила легенда, что бури в Ётунхейме живые и не любят гостей. Хильда пыталась отползти, но ноги и руки настолько замёрзли, что перестали слушаться. Кричать нет сил, хотя и хочется. Не может она погибнуть сейчас вот так! Она была так близко к цели, совсем рядом – но судьба решила над ней посмеяться.

Яркий луч света пробивался через вход в пещеру, и всякий лёд оборачивался в воду и плавно стекал по неровным порогам вглубь пещеры. Её зрение было мутное, и даже камни казались ей людьми, но что-то живое стремительно приближалось в мешковатом плаще. Из последних сил она протянула руку, прошептав «помогите», и упала без сознания.

Голова болела, трещал огонь, и яркие язычки весело играли на тёмных стенах пещеры. Поленья свежие, будто кто-то только что подложил, но перед костром никого не было.

– Холера! – выкрикнула Хильда, пытаясь встать. – Как же болит! – она протянула руку к перевязанной ране на бедре, где кто-то слегка спустил её окровавленные и все в саже шта-

ны. Рану прижгли и наложили пережёванные травы, которые остановили воспаление.

Она поднялась на локте и посмотрела в сторону выхода – снаружи светло, и буря прошла. Она с облегчением сглотнула и прислонилась к прохладной стене. Кто бы её ни спас – она будет вечно должна этому человеку, ведь помимо ухода за её смертельной раной он подобрал меч, который она скинула с себя, когда было идти неважно. Где-то в глубине пещеры капала вода, эти звуки напомнили ей звон колоколов церковью Англии, которые она разоряла с другими норманами. Воительница Хильда подтянула меч к себе и настороженно посмотрела в мрак чрева горы. В небольшой лужице она заметила чистую талую воду и припала губами к ней, чтобы утолить терзающую её жажду.

Тут она поняла, что нет самого главного – её грубого холщового мешочка, который она носила у себя на поясе. Судорожно она пробежала взглядом по стенам и углам пещеры – но его нигде не было. Её охватил гнев, а затем и страшная грусть. В её глазах скопились слёзы, и они дружно стали падать вниз.

– Не из-за этого ли ты плачешь? – Хильда вздрогнула: справа от неё стоял высокий бородатый мужчина и держал перед собой холщовый мешочек с красными пятнами. – Полагаю, это принадлежит тебе? – Хильда кивнула. Старец опустил мешочек перед ней, и она его выхватила, словно в нём находился весь смысл её жизни.

– Ты меня спас? – не отрывая глаз от мешочка, спросила Хильда.

– Да, и, как понимаю, в самое последнее мгновение! Меня зовут Лицо-Тень, я странник.

– Хильда, дочь Харальда.

– Хильда Кусачий Меч? – она кивнула. – Наслышан я о тебе, воительница. Храбра ты сердцем, раз решилась на такой опасный путь – но что же ты забыла в этом проклятом месте?

Хильда долго думала – отвечать правду или солгать? Если он странник, то сможет провести до Хельхейма безопасным путем, может, даже коротким.

– Я держу путь в Хельхейм, к богине Хель.

Странник присел у огня и склонил лицо к пламени:

– Глупа ты, Хильда, дочь Харальда, ни один смертный не может пройти врата Хельхейма. Ужасный пёс Гармар охраняет его и великанша Модгуд. – Лицо-Тень поднял голову, но широкий, как мешок, капюшон скрывал его лицо, – лишь седая борода торчала, и было видно, как шевелятся губы. – Что за дело у тебя в Хельхейме?

– Мой... – Хильда затихла, её голос надорвался, и уже тише, сдерживая эмоции, она продолжила: – Муж, он был убит без чести, и его лишили шанса на Вальгаллу.

– А он был ли достоин стать ейнхьярнар – одним из воинов Один? – спросил странник.

– Да, как никто другой.

– Твой поступок благороден, – тихо произнёс старец. – Но глуп, ведь тебе не пройти врата Хельхейма.

– Ты можешь меня провести! – Хильда придвинулась поближе в надежде увидеть его лицо, но увидела лишь пустоту. – Знаешь ты тайные тропы, скрытые проходы, что приведут меня к Хель! Безоговорочно, я твоя должница лишь за то, что ты спас мне жизнь, но если поможешь и сейчас, то я отдам тебе всё, что пожелаешь!

Лицо-Тень задумался. Возможно, под своим толстым капюшоном он размышлял, кривил губы в сомнении и слегка мычал. Вода всё так же капала: «кап-кап-кап», а в костре догорали поленья. Рана совсем не болела, хотя давала о себе знать каждый раз, когда Хильда двигала ногой.

Прошло достаточно времени, но когда Хильда пожелала спросить о его решении, то он выставил ладонь вперёд, высокомерно встал и вышел из пещеры. Она смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. Вздохнув, она под села ближе к огню.

Мешочек содержал в себе что-то округлое, два кровавых пятна были похожи на глазницы. Одно большое пятно находилось на нижней части мешочка. Свет костра освещал мешок и становилось понятно, что в нём – человеческая голова. Хильда прижала мешочек к своему покрытому грязью лбу и начала шептать что-то тихо-претихо.

Ётунхейм не такой и ужасный, как его описывала её бабка, а после неё и её отец с матерью. Да, земли бесплодны, и

на них растут только камни, но взору открываются необъятные просторы, где свободно может парить разум, прячась за высокими горами и буйными реками. К слову о реках – они все здесь ядовиты для человека и Асов, но их цвет манит к себе, и их воды так и хочется испить. Ётунхейм казался безжизненным, пустынным, и только камни и неистовые великаны проживают на этих оледеневших землях, – но это не так. Эти равнины и горы заселены троллями, что достают до небес и имеют хвост размером с драккар. Ужасные и клыкастые, похожие на волков чудища, которые гоняются за мелкими троллями; их туловище покрыто толстой бронёй, будто они выращивают из кожи кольчугу.

Снаружи спокойно дул легкий ветер, и белые, как пена от волны, облака заслонили небосвод. Лицо-Тень стоял у лазурной реки и совсем не шевелился. Хильда наблюдала за ним из-за угла пещеры и ждала, когда же он закончит думать. Когда Лицо-Тень шевельнулся, она увидела, что у него на руке сидел чёрный ворон и внимательно слушал своего хозяина. Странник вскинул рукой, и ворон взмыл в небо, улетая куда-то далеко за тёмные горы.

Кому он мог отправить послание? Хильда недоверчиво смотрела на него. Выйдя из пещеры, она неспешно, будто прогуливаясь, ступала к страннику.

– Как я вижу, ты себя чувствуешь лучше, – развернувшись к Хильде, Лицо-Тень протянул ей руку, – она осторожно посмотрела на неё, будто вместо руки он протянул змею.

– Ты меня проведешь до Хельхейма? – снова спросила Хильда.

– Многое я знаю и многое видел. Покажу тебе короткий путь до него, но что лежит после него – тебе придётся пройти самой. Думается мне, что известны тебе ужасы мира мёртвых. Ты должна запомнить кое-что: когда будешь проходить реки Гьёл и Лейп, не смотри на лица мертвецов.

– Чего ты желаешь взамен? Ни один человек не делает что-либо просто так.

– Если тебе удастся пройти в Хельхейм и выйти оттуда живой, то ты станешь моим телохранителем и в пути сопровождать меня будешь.

Хильда пожала руку Лицо-Тени и, поправив пояс, где висели меч и мешочек, она последовала за странником. Всё же пейзажи мира великанов впечатляли воительницу, хоть и казалось всё здесь безрадостным.

Хильда шла позади Лицо-Тени, который знал каждый уголок, каждый камушек, каждую речку. К вечеру снова поднялась буря, и они укрылись в заброшенном деревянном домике. Пар изо рта так и валил, сидеть было холоднее, чем стоять – так хотя бы кровь двигается по жилам, а сидя можно окоченеть и превратиться в лёд. Хильде были известны истории о том, как путешественники, которых застала буря, замерзали до состояния льда, и по сей день они стоят на просторах Ётунхейма, напоминая всем странникам о суровости этих мест.

Сухое дерево вспыхнуло в печке, и согревающая волна обволокла дом с быстротой мухи, и через пару мгновений даже стало жарко. Хильда скинула тяжёлую шкуру кабана, которую она носила у себя дома в Норвегии, и уселась на кровать. Она достала меч из ножен и принялась его очищать от засохшей крови.

Протерев дол меча, она увидела своё отражение: усталая и побитая женщина с непереносимой болью в глазах, потерянная, с обречённым взглядом. Всего этого могло бы не быть, если бы не её тревоги ещё тогда, дома, до смерти мужа. Сколько всего она могла ещё повидать, сколько счастья испытать, но в один день явился ей знак во сне, и преследовал он её девять дней, а на десятый день её муж был убит. Сколько боли она перенесла в тот день, но если бы она держала себя в руках, возможно, ничего бы и не случилось. Но к чему ворошить прошлое?

– Вижу я, с какой заботой ты относишься к своему оружию, – сказал Лицо-Тень. – Ты закалилась в боях ничуть не хуже стали, из которой сделан твой меч.

Хильда грустно опустила глаза на меч:

– Он не мой, – вздыхая, проговорила она. – Этот меч принадлежал моему мужу.

Лицо-Тень стянул капюшон, и взору Хильды предстал мужчина с седой бородой, но не старый. С худым лицом, но не болезненным. С тёмными волосами, а не седыми.

– Его навершие, – Лицо-Тень подошел к Хильде и протя-

нул руку, как бы прося посмотреть меч поближе. Она его передала. – Да... – тихо говорил он. – Знаю я руны, написанные тут: шестнадцать их всего, открылись они Верховному Богу на девятый день, и познал он их мудрость, и с людским родом поделился он магией рун, и Ванирам подарил знания их.

Лицо-Тень вернул меч Хильде и присел на стул у печки. Его взгляд заинтересованно бегал по полу, а когда он поднял свою голову, увидела Хильда, что глаза одного у странника нет. Она не желала делать поспешных выводов, поэтому робко опустила голову и вновь уставилась на меч – он всё ещё не блестит.

Ночь была тёмной и густой. Свет из печки не справлялся и освещал лишь кровать, где сидела Хильда, и стол, за которым сидел Лицо-Тень. По всей видимости, он уснул сидя – Хильда поняла это по его сопению. Она стянула свои грязные кожаные штаны, чтобы посмотреть на свою рану – всё так же выглядит плохо, но мазь помогает. Приставив меч к стене и положив мешочек рядом с собой на соломенную подушку, она уснула.

Болото заполнено трупами. Она вязнет в нём по локоть, пробирается сквозь тела, отодвигая их в стороны и сдерживая рвотные позывы. Трупы все лежат лицами вверх, и глаза их наблюдают за ней. Белые глазные яблоки с чёрными точками следуют за её движениями и смотрят в спину. Она их чувствует, более того – она ощущает смерть каждого человека здесь. Чувства, словно хлыст, бьют её прямо по

сердцу и заставляют кричать и идти быстрее, но болото кажется бесконечным. Трупы – они везде! Их руки тянутся к ней: набухшие, бледно-зелёные, с трясинной на пальцах и длинными ногтями...

Одной руке удается её схватить, она замедляется – и сотни рук тянутся к ней разом, раздирая её по кусочкам, отрывая сначала кожу, а потом мясо. Какая боль! Какой ужас её охватывает! Руки мертвецов лезут ей в рот и вырывают язык. Кровь хлещет в мутную воду болота. Агония, боль, страх... Её тянет на дно – кто-то схватил её ноги и стремительно погружает в воду. Хильда старается сопротивляться, но всё тщетно – она уже по шею в воде. И только сейчас видит она берег, а на нём стоит её муж в жёлтой тунике и пустым взглядом провожает её.

Её пробудил Лицо-Тень с настороженным и взволнованным лицом. Это был лишь кошмар, но какой...

Они сидели тихо за столом и пили тёплую настойку из трав, которые странник носит с собой в плаще. Оттуда же он достал хлеб и вяленое мясо. У Хильды пропал аппетит, как только она вспомнила свой сон – те ужасные мёртвые лица, которые таранились на неё, и те руки, что разодрали её по кусочкам.

Настойка из трав придавала сил и взбадривала. Буря затихла, и белый свет полился в окна. Лицо-Тень вытащил из своего кармана ещё разных съестных припасов и предложил их Хильде.

– У тебя бездонные карманы, странник? – смеясь спросила Хильда. Смех был необходим, дабы забыть паршивый кошмар.

– Этот плащ – волшебный! – тут он вытащил из кармана нож, ложку и точильный камень. – Сами гномы сковали его для меня. Мне пришлось раздобыть материал, который почти не существует!

– Это какой же? – спросила Хильда.

– Бесконечность.

– И где же ты это достал? – Хильда усмехнулась и посмотрела на Лицо-Тень как на чудака.

– Всё в девяти мирах однажды кончится, у всего есть конец! Люди, Асы, Ётуны – все исчезнут, и память о них тоже. Иггдрасиль тоже не вечен. Лишь одна вещь в девяти мирах бесконечна – это...

Торопливый стук в дверь прервал Лицо-Тень и заставил Хильду напрячься. За окнами мелькали две тени, и были слышны голоса, низкие и хриплые. Снова раздался удары в дверь, уже настойчивее. Хильда обнажила меч и закрепила мешочек у себя на поясе. В окно прилетел огромного размера булыжник и, вышибив ставни, упал перед ногами Хильды.

– Заклинатель! – крикнул мужской голос по ту сторону двери. – Мы знаем, что ты тут! Отвори дверь, и мы сравняем счёт!

Хильда озадаченно посмотрела на Лицо-Тень – он стоял совершенно спокойно и смотрел одним своим глазом на во-

ительницу. Дверь принялись выбивать, хлипкая деревяшка на ставне долго не выдержит – Хильда приготовила свой меч.

– Посвящаю эти убийства богу войны Одину! – Хильда кинула клич, дверь слетела с петель и глухо упала.

Две фигуры, обмотанные в чёрную ткань, вошли в дом. Хильда ринулась на них и застала одного врасплох: он не смог отразить лёгкий удар воительницы, и меч пронзил ему брюхо. Вторая фигура атаковала Хильду топором, но она успешно отбила атаку, парировала, выбила топор из рук незваного гостя и с лёгкостью рассекла ему шею, тёплая кровь окатила лицо Хильды. Два трупа лежали под ногами воительницы, а ведь она их убила, сама не знает за что. Но её эта мысль не очень беспокоила, ведь ничто и никто не может встать у неё на пути к Хельхейму.

– Будьте прокляты Брокки и Хетри. – Лицо-Тень подошёл к трупам и презрительно посмотрел на них. – Благодарен я тебе, Хильда Кусачий Меч. Нам пора идти, – бросил он и вышел из избы.

– У тебя много «доброжелателей», – протирая лицо от крови рукавом, процедила воительница.

– Когда ты путешествуешь по всем девяти мирам, волей-неволей найдутся те, кому ты причинишь неудобства. Полагаю, что ты выплатила свой долг за твоё спасение. Жизнь за жизнь.

Лицо-Тень ускорил шаг, будто стараясь исчезнуть отсюда как можно быстрее. Хильда не бралась судить его за то, что

он мог совершить, ибо сама она не без порока. Человек человеку волк, и чтобы выжить, ты либо убиваешь, либо убивают тебя. Хильда забыла про слова «мир» и «спокойствие» – они умерли вместе с её мужем.

Добравшись до границы Ётунхейма, Лицо-Тень огляделся по сторонам, его рука юркнула в карман, оттуда он достал серебряное кольцо, что искрило, когда свет падал на него. Странник вручил его Хильде, она приняла и надела на безымянный палец. Она быстро осмотрела его и увидела одну руну залитую золотом.

Пустота. Граница миров выглядела завораживающе и отдавала чем-то очень близким, родным и знакомым, будто после долгих странствий ты вернулся в свой родной дом. Гинунгагап – бездна, откуда началось всё. Её синевато-фиолетовое мерцание преследует вспышки из Мюспельхейма – огненные, красные, разрушительные. Где-то далеко внизу лежит Нифельхейм, где лёд соприкоснулся с огнем Мюспельхейма, первичный хаос. Эти истории рассказывала Хильде её мама, а та, словно зачарованная, слушала.

Три портала открылись перед ними, Лицо-Тень выставил руку и пробормотал что-то себе под нос. Два портала со скрежетом растворились, как отражение на воде, – и остался один зелёный, а из него дул сладкий свежий ветер. Странник обернулся и сказал:

– Следуй за мной и не снимай кольцо, пока не выйдешь из портала, – и он шагнул в него.

Хильда вошла следом и оказалась в крошечной тьме, в пустоте, в Гинунгагап. Каждый её шаг отражался громким эхом, откуда-то исходил жужжание. Вон оно – портал стоял впереди и отливало зелёно-перламутровым. Она сжала рукоятку меча и забежала в портал. Звуки рассеялись, и по ушам ударила тишина. Что-то всё ещё жужжит?

Она сделала несколько шагов. Жужжание словно от роя пчёл стало громче – это точно портал. Хильда прошла через него и оказалась в лесу. На секунду она почувствовала себя потерянно, но запах моря быстро привёл её в чувство – она дома.

Высокие сосны, мох, серовато-чёрные валуны – это всё ей было так знакомо, но радости не принесло совсем. Почему она вновь в Мидгарде? Ей с таким трудом удалось его покинуть, и теперь она снова там, куда не хотела возвращаться. Её испугал Лицо-Тень, который прикоснулся к её плечу. Он снова натянул капюшон, и его лицо утонуло под ним.

– Почему мы в Мидгарде?! – возмущённо спросила Хильда.

– Кратчайший путь лежит через мир людей, ведь отсюда они отправляются в обитель Хель.

– А не дуришь ли ты меня, Лицо-Тень? – Хильда не на шутку взбеленилась. – Если ты пытаешься меня обмануть, то я прямо сейчас снесу твою голову с плеч!

– Знаю я о твоём недоверии ко мне, но не беспокойся – у меня нет цели обмануть тебя. Держу я слово своё и доведу

тебя до короткого пути в Хельхейм. Знаю я много и бывал много где, довериться мне ты должна.

Хильда фыркнула и махнула рукой, чтобы тот вёл её к пути. Возможно, ей стоило уточнить с самого начала, куда они пойдут, но в последние дни ей не удавалось мыслить рационально. Кем бы ни был Лицо-Тень – это явно не Всеотец, хоть и похож исходя из описаний.

Они двигались из леса в сторону моря, и чем ближе к берегу – тем сильнее дул ветер, а коса светлых волос Хильды крутилась и вертелась, шлепая её по лицу так сильно, что ей пришлось взять её в руку. Стихия неистово швыряла в неё солёную воду, брызги которой, как кинжалы, впивались в лицо. Огромная волна взмыла вверх над выступом скалы и окатила её холодной водой.

Странник будто не замечал всего этого и продолжал путь. Она кричала ему: «Куда мы держим путь?» Но ответа не получала, ведь ветер был слишком могуч, чтобы его перекричать. Она знала, что огромный орёл Ведфольнир сейчас взмыл ввысь и облетает все девять миров. Именно он разгоняет волны на море и разносит ветра во всех мирах.

Землю покрывал тёмно-зелёный мох, который был весь пропитан водой. Лес остался далеко позади, а они всё шли и шли, и море всё бушевало и бушевало. С севера надвигались громовые тучи – грядёт шторм. Лицо-Тень остановился, и Хильда, не заметив этого, стукнулось о его спину. Она подняла голову и увидела, как странник тычет пальцем

в крошечную избу вдали. Кто мог построить жилище именно здесь? Тут ничего не растёт и ничего нет вокруг, кроме камней и мха.

– Тебе туда! – перекричав ветер, Лицо-Тень тыкал на избу. – Там живёт слепой шаман – он тебя направит к Хельхейму! Скажи ему, что ты от Седобородого, и он тебе поможет.

– Ты не пойдёшь со мной? – спросила Хильда. Ветер сдувал её.

– Знаю я многое и то, что ещё увидимся мы, тоже знаю! Да направит тебя Тор!

Лицо-Тень удалялся, а Хильда, вся промёрзшая и промокшая, брела к избе. Она решила оглянуться и посмотреть на Лицо-Тень в последний раз, но того уже и след простыл. Делать нечего – придётся брести до избы. Если она пережила бурю в Ётунхейме, неужели не переживет непогоду Мидгарда? Её закалённая сила воли не давала ей даже задуматься о том, чтобы сдаться, и добравшись до избы, она отворила дверь и вошла внутрь.

Kaflí tvö: níu draumar²

В нос резко ударил запах жжёных трав и сырости. Два кувшина стояли на полу, и из них валил дым благовоний, от которых кружилась голова. Дым окутал всю избу, и дальше своего носа ничего увидеть не удавалось, поэтому пришлось ориентироваться на звуки колокольчиков, которые исходили с другого конца дома. Хильда размахивала руками в надежде разогнать дым и расчистить воздух, но его становилось всё больше и больше с каждым взмахом.

На полу сидел старый шаман с изборождённым морщинами лицом со слепыми молочно-белыми глазами. Хильда сначала не знала, слышит ли он её и знает ли вообще, что к нему в дом вошла незнакомка. И только она хотела побеспокоить его медитацию, как вдруг он вздёнул голову вверх и устремил свои слепые глаза на неё. Его сухие белые губы сжались в недовольстве, и он сторбился:

– Ты пришла от Седобородого, Лица-Тени? – голос шамана звучал хрипло.

– Да, – коротко ответила воительница, присев напротив шамана.

– Что он задумал на этот раз? – спросил шаман и посмотрел на неё с раскрытым ртом.

² Глава вторая: девять снов

– Мне неизвестно о его планах, но он сделал мне одолжение и сказал, что ты можешь показать мне короткий путь в Хельхейм.

Шаман засмеялся, но быстро закашлялся и втянул воздух, чтобы успокоить кашель.

– Хильда, дочь Харальда, он тебя обманул: нет короткого пути в Хельхейм, кроме смерти. Вижу я, твоё дело там, но чтобы дойти туда, тебе придётся распрощаться со своей собственной жизнью.

Хильду скривила губы в гневе оттого, что Лицо-Тень солгал. Каждому муравью в Мидгарде известно, что только смерть является прямым путём на Хельхейм, но должен быть обходной путь. Она присела рядом со старым шаманом и взяла его руки в свои:

– Ты должен мне помочь! – взмолилась она. – Мудрость твоя безгранична, как и знания, ты должен мне помочь, пожалуйста!

– Девочка моя, – тряся головой, заговорил шаман. – Я видел все девять миров, я видел то, что взору смертного недоступно. Погляди в мои слепые очи, – Хильда направила свой взгляд на его белые глаза. – Ценой своего взгляда я познал мудрость и законы Хель. Если ты настолько самоуверенна, чтобы выбить сделку с Хель, то уж лучше сразу прыгай с обрыва у дома – живой ты к ней не попадёшь.

– А может, ты врёшь, старик? – Хильда вздрогнула от незнакомого голоса.

Из дымки показался высокий мужчина с седой, цвета пепла, бородой, крупным носом, шрамом на правой щеке и без левого глаза. Его тёмные волосы лежали точно так же, как и у Лица-Тени – уложены назад.

– Всеотец... – Хильда сидела без малейшего движения и смотрела на Бога Висельников.

– Есть путь, ведущий к Хельхейму и без смерти, – начал Всеотец, обращаясь к шаману. – И ты это прекрасно знаешь, старый мудрец.

– Твои вороны заслуживают быть пущенными на суп, – прохрипел шаман.

– Ты мне должен, старый друг, – Всеотец развернулся к ним спиной. – Покажи этой железной деве кротовую нору к Хель, раз уж ей так нужно туда. Сделай это – и твой долг погашен.

Шаман замычал, сплюнул на пол и, скрипя, встал, – за ним воительница. В полный рост он был ниже Хильды на две головы. Бог висельников махнул рукой – и весь дым благовоний вылетел в открытую дверь. Нужно что-то спросить у него, ведь ей представился случай увидеть самого Бога Войны, Одина! Шаман схватил её за предплечье и медленно покивал, будто он знал, что она хочет спросить.

Они стояли снаружи, ветер морозил пальцы рук и щёки до онемения. Шаман был одет в тончайшую рубашку со шкурой оленя поверх неё, на него было холодно смотреть, ноги его были босы, лодыжки обнажены. Он тщательно приножи-

вался к чему-то, вода носом слева направо. Всеотец стоял в своём чёрном плаще и смотрел на шамана, который уже приосанился, отрывал клочки мха и клал их себе в рот.

– Поделись, земля, со мной тайнами, вести Расскажи, – бормотал шаман. – Покажи мне тропу.

Случайно или нет, но ветер сменил своё направление и теперь дул строго на запад. Шаман замер, его тонкие костлявые пальцы ловили воздух, словно муху. Он нахмурил брови и повернул свою лысую голову к Всеотцу.

– Ветер недобрый, – дрожащим тоном сказал шаман. – Что-то злое назревает над всеми девятью мирами. Ветер мне поведал о страшных событиях грядущих дней, а земля...

– Довольно, – выставив ладонь вперёд, Один подался к шаману. – Отведи воительницу к норе – и ты заслужишь места в новом Асгарде.

Шаман ссутулился и недолго размышлял.

– Что бы ты ни задумал, Седобородый, знай: судный день богов близок. Норны всё предсказали, и твои попытки изменить судьбу бесполезны.

– Знаю я многое и видел многое, – Хильду стукнула эта фраза в голову – Лицо-Тень говорил так же. Неужто её жизнь спас Один, а не какой-то странник? Почему он ей помогает? – Судьба может быть перешита. Нити могут плестись в другом направлении, если их направить.

– Тебе виднее, Седобородый, – шаман покачал головой. – Девочка моя, нам пора идти, – сказал слепой шаман и вытя-

нул свою дряхлую руку вперёд. – Кольцо, что даровал тебе Хави, – отдай его мне.

– Зачем оно тебе, старик? – Хильда послушно стянула кольцо и вложила в руку шамана.

– Не хочу, чтобы он нашёл нас, – простонал слепой шаман и, с трудом подняв руку над головой, метнул кольцо в пропасть.

Ветер дул в спину, подгоняя Хильду за стремительно и бодро идущим шаманом, будто он всё время притворялся немощным для образа. Две тени кружили над ними – вороны Мунин и Хугин свысока наблюдали за каждым их шагом, кружась хороводом и звонко каркая, словно переговариваясь меж собой.

Мокро, холодно, и тело уже не в состоянии дрожать. Сапоги были пропитаны солёной водой, кольчуга сдавливала плечи, а рубашка – вся мокрая – свисала до бедра. Стоило ей только задуматься о нём, как острая боль пробежала по её ноге и заставляла скривить лицо и приостановиться. Стиснув зубы, стараясь подавить боль, она подняла намокшие глаза на шамана. Пара выбившихся локонов из её косы свисала у виска. В её зелёные, цвета листвы, глаза смотрел шаман своим остановившимся взглядом, от которого веяло холодом, и казалось, что в его глазах поднялась снежная буря. Хильда сжала губы и преодолевая боль смогла выпрямить спину. Шаман с любопытством посмотрел на неё.

– Как странно, – прохрипел он. – Только сейчас я почув-

ствовал твои эмоции, твою боль. Расскажи мне: что ведёт тебя к Хель?

– Не твоего ума дела, старик, – процедила Хильда.

– Вижу я мертвеца, что стоит рядом с тобой, – у Хильды пробежали мурашки. – Мужчина с грудью воина и сердцем волка. Избранный самим Богом Войны, но погибший как вшивая собака, лишённый прохода в холл Одина.

– Ты видишь его? – Хильда положила руку на мешочек. – Скажи мне, мудрейший: ты его видишь?

– Да, – в его голосе звучала безнадежность. – Но облик размыт, лик его пуст. Вижу лишь очи его, что горят синим пламенем, он не может найти покоя.

Шаман протянул свою заскорузлую руку к ней и провёл ладонью по холщовому мешочку. Таинственный скрежет разрезал воздух и заставил Хильду закрыть уши руками, а шаман отшатнулся назад и, оторопев, поднял голову к небу. Скрежет беспощадно резал уши, тонкие струйки крови вытекали из-под ладоней Хильды и капали на землю. Шаман выкрикнул что-то очень громко, и скрежет будто взмыл в воздух и отправился к облакам. В ушах страшно звенело, а в глазах двоилось. Шаман схватил Хильду за запястье и потянул за собой. Раздался ужасающий, разгневанный вой и крик, словно воины готовились к бою, разгоняли кровь.

Стрекот костров, лязг меча, разрывающие воздух стрелы, расколотые щиты, звук переломанных костей – они следовали за ними по пятам. Слепой шаман тянул потерянную в

пространстве Хильду, для которой мир дрожал и сыпался, как песок через пальцы. Все звуки смолкли, как только они вбежали в пещеру. Шаман достал два камушка с рунами и бросил их у входа.

Звуки щелчков пальцев заставили Хильду повернуться, и, встряхнув головой, перед собой она увидела шамана, стоящего в полный рост и с прямой спиной. Пещеру освещал одинокий факел. Свет боролся с мраком. Шаман положил факел на влажные камни и достал из своего маленького кожаного мешочка рунный камень.

– Перед тем как мы совершим путешествие к Норе Гнили, я прочитаю заклинания над этим рунным камнем, держи его в том месте, где потерять его ты не сможешь! – Шаман вложил камушек ей в руку. – После каждого заклинания повторяй: «Я омываю свои вежды, и око моё видит ясно, так защити меня от гнева и жестокости!»

– Я готова, – тихо сказала Хильда.

– Коль в море шумящем буря застигнет тебя, ветры и воды почтут твою волю, и берег найдёшь ты невредимой, – его голос звучал как сотня голосов; его речь заставляла пламя факела безудержно плясать.

– Я омываю свои вежды, и око моё видит ясно, так защити меня от гнева и жестокости.

– Не сможет тебе вредить грозная стужа в горах, крепкий мороз твоей кожи не тронет, конечностей твоих не скуёт.

– Я омываю свои вежды, и око моё видит ясно, так защити

меня от гнева и жестокости, – повторяла Хильда.

– Чтоб ночью был безопасен твой путь, ведьма тебе волшебством неживым не навредит никогда. От нечистой ворожбы дух твой защищён, – зачитал шаман третье заклинание.

– Я омываю свои вежды, и око моё видит ясно, так защити меня от гнева и жестокости.

– Сможешь о мудрости в спор вступить, мыслей ум и устам красноречия – много пусть будет дано.

– Я омываю свои вежды, и око моё видит ясно, так защити меня от гнева и жестокости, – Хильде начало казаться, что пещера дрожит и словно повторяет каждое слово за шаманом.

– Пятое заклинание я произнесу: тёмная сила не сядет на твою выю, коготь мертвеца не достанет до твоей десницы, взор Королевы Мёртвых от очей твоих отразится.

– О, я омываю свои вежды, и око моё видит ясно, так защити меня от гнева и жестокости! – Громко крикнула Хильда, пещера затряслась – и в то же мгновение прекратила. Тишина спустилась из ниоткуда.

Шаман попятился, нагнулся за факелом и осторожно осмотрелся по сторонам. Глубокое подземелье, кажется, вело к самому Нифельхейму. Чёрные склизкие стены пещеры смердели, и чем глубже они спускались, тем сильнее воняло. Факел с трудом освещал путь впереди и полтуловища шамана. Хильда же шла позади, и тьма, словно выжидающий хищ-

ник, смотрела на неё, взгляд его она ощущала на своей спине. Рунный камушек она обмотала тонкой верёвкой у пояса и туго завязала. Дёрнув пару раз, она проверила на тугость узел и спокойно продолжила путь за удаляющимся светом.

Она потеряла счёт времени и не знала, идут ли они всего пару часов или пару суток. Ноги устали, бедро горело, и боль огненной стрелой пронзала всё тело. Внезапно её нога скользнула вперёд, и она, теряя равновесие, схватилась за стену, покрытую толстым слоем серо-бурой слизи. В отворачивании отдёрнув свои руки, она вытерла их о свои и так грязные штаны. Этот запах – смрад гнили – исходил от этой самой слизи, которая облепила её сапоги, руки и теперь штаны. По запаху её было бы невозможно отличить от мертвеца. Тошнота от запаха, который усилился стократно, подступила к самому горлу.

Шаман будто не замечал его и спокойно босыми ногами шёл по этой слизи. Посмотрев на его ноги по лодыжку в слизи, она приставила ладонь тыльной стороной ко рту, сдерживая рвотные позывы.

– Коль тебе уже плохо от запаха, то как ты пройдёшь по рекам Хель? По мосту к вратам? В её чертоги? – спросил шаман своим хриплым голосом.

– Ты уже бывал в Хельхейме: как ты прошел через реки Гьёл и Лейп? – Хильда старалась отвлечь себя от смрада.

– Реки Гьёл и Лейп, – начал шаман свой рассказ. – Обе реки несут мертвецов к пасти Нитхога – дракона, что щёл-

кает их своими челюстями, высасывает трупные соки из реки, словно мёд. Гьель несёт клятвопреступников, и лица их обращены кверху, а глаза их пусты, лишь белые глазные яблоки пристально наблюдают за тобой. Ты этого не видишь, но прекрасно чувствуешь их проклятый взгляд на себе. Лейп несёт воров – они плывут брюхом вниз. За их преступление им полагается позор – и река Лейп наполнена им, воспоминаниями, которых никогда и не было. Гьель насылает сны покойникам об их клятвопреступлениях, и глумится река над ними за их злодеяния, за их лживый язык.

Всем мертвецам в Гьели снится кошмар о том, как вырывают их язык за нарушенное слово. Они испытывают боль вновь и вновь, пока челюсти Нитхога не раскрошат их. – Они свернули на развилке туннелей налево, откуда пахло жжёным мясом. – Река бежит с востока, полная кинжалов и мечей, через долины ядов. Имя ей – Слит. Лязг мечей, что зарубили невиновных и несчастных, сопровождается криками обречённых на вечные муки душ, что сгнули от сего оружия.

Нет, эти пещеры точно живые – Хильда только что видела, как из стены вытянулась костлявая чёрная рука. Ей не казалось, и она не бредила – туннель, по которому они шли, назывался Огненный мор, что само по себе вызывало насторожённость. Стало светлее, словно откуда-то выкатилась огромная горящая бочка китового жира и осветила туннель впереди. Тут её взору предстал ужас, который скрывала

пещера: обожжённые лица с обугленными носами, чёрными губами; кривые, тонкие руки, покрытые сажой и красными ожогами, тянулись к ним и усердно старались ухватить шамана и Хильду, но были слишком далеко. Хильда издала истошный крик, когда одной руке удалось схватить её за косу. Шаман обернулся, но из-за отсутствия зрения точно не понял, где Хильда и по какой причине она кричит. Меч лязгнул, и что-то свалилось на землю – эта была рука, которая держала Хильду.

– Куда ты меня привёл? – испуганно спросила воительница. Дрожь пробежала по её телу.

– Нора к Хельхейму, – тихо ответил шаман. – Она живая, и души тех, кто не обрёл места в Хель, находят упокоение здесь. Я говорил Хави, что ветер недобрый, что-то бурлит... Что-то худое, раз покойные встревожены живыми.

– Ты должен мне сказать: что происходит? О чём тебе поведал ветер? – Хильда подошла к нему ближе и настойчиво посмотрела в его слепые глаза, и он почувствовал её взгляд.

– Нависло зло над миром людей, и великаны в Мюспельхейме готовят свою хоругвь. Ётуны заточили мечи и секиры, их щиты свежи и готовы в битве быть расколотыми. Мировой Змей пробудился и вскоре потопит мир людской своим ядом. Век меча наступил, люди бьются за последние клочки земли, братья предали друг друга. Не осталось ни одного человека, верного другому. Ты хочешь знать, что мне сказал ветер? – Шаман кусал губу, и в его голосе бушевал страх.

– Конец богов? – спросила Хильда.

– Конец всего и каждого, – шаман понурил голову. – Рагнарк!

Хильда понимала, что времени у неё осталось очень мало до того, как Хель соберёт всех умерших и поведет их к Асгарду. Если она не успеет добраться туда вовремя, то всякая надежда на спасение её мужа будет утеряна. Кто, как не он, будет достоин биться плечом к плечу с Асами.

– Мы должны поспешить! – крикнула Хильда и ринулась на свет, который лился где-то далеко в пещере.

Шаман поплёлся за ней, полностью проигнорировав её призыв ускориться.

Светилась не бочка с жиром, а огромный костер, поленья для которого заменили телами людей: они двигались и издавали мычание, будто неистовая боль стала для них привычной. Их глаза, залитые красными кровяными потёками, смотрели на Хильду, и каждый лежащий у края костра тянул к ней свои горящие, обугленные руки. Их кожа была чёрной и отливала красным, как угли. Пара мелких ручонек торчала и отчаянно пыталась схватиться за что-нибудь. Маленькие, полностью сгоревшие до костей пальчики были направлены на Хильду. Пламя коптило крышу пещеры, а горело оно без какого-либо дыма. Страх взял своё, Хильда вынула меч из ножен и настороженно принялась обходить костёр.

– Девять снов, – прозвучало откуда-то. Она мотала головой, шаман так и не появился, и паника начала овладевать

ею. Пусть ей и удалось стать великой воительницей и слово о ней не будет забыто, о её подвигах на поле битвы, но тут она наблюдала за истинной болью каждого человека, и их взгляды передавали все страдания. Моральный дух её падал с каждым взглядом на мучеников.

– Девять снов, – прозвучало вновь.

– Кто здесь? – держа меч перед собой, спросила Хильда. – Покажись!

– Я тут, – прошептал ей знакомый голос. – Не оглядывайся, ибо меня здесь ты не найдёшь.

– Скалли? – жалостно простонала Хильда. – Это ты, любовь моя? – слёзы покатались по её щекам.

– Не давай эмоциям овладеть тобой, – спокойным тоном говорил голос. – Ты выбрала путь, уже с которого нельзя свернуть. Я буду здесь, когда ты почувствуешь, что нуждаешься во мне.

– Скалли, стой! – кричала Хильда гаснущему голосу. – Прошу, не бросай меня здесь, мне страшно!

– Вспомни девять снов, вспомни их. Вообрази их у себя в голове, – нежно шептал голос.

– Я не хочу! Эти сны – кошмары! Прошу, скажи мне, что делать! – Хильда упала на колени и подпёрла мешочек к своему лбу. Слёзы капали на грязную ткань с запёкшейся кровью.

– Путь в Хельхейм лежит через боль, – голос был тёплый, родной, мягкий. – Чтобы открыть проход, ты должна отдать

боль.

– Я сделаю это, – Хильда смотрела на мешочек и говорила с ним. – Я сделаю это, чтобы спасти тебя, любовь моя.

Девять снов. Она их помнит, но какие воспоминания они ей несут – грусть, ужас, волнение. Хель пытается страданиями, и Хильда была намерена отдать их все, лишь бы освободить своего мужа Скалли из заточения.

Лес. Дремуший и тёмный лес. Ветви голые, тонкие, и лунный свет, падая на них, отражает тень, что напоминает чудовищные руки с когтями. Трава чёрно-лиловая, земля зыбкая, и грунт забивается в сапоги. Ворон, один ворон сидит на ветке и злобно каркает на голую, напуганную Хильду. Она бредёт по лесу, вся дрожит от холода, пар валит изо рта. То ли вой, то ли крик раздаётся издали. Кровь стынет в жилах, тело невольно замирает, и сердце колотится быстро-быстро.

Нерешительные шаги вперёд, топот раздаётся на весь лес, заставляя Хильду пошатнуться от страха. Тёмные человеческие силуэты мелькают в паре метров от неё и ловко прячутся за деревьями. Ей хочется плакать, но она не может. Нечто тяжёлое ложится ей на шею, и она не может издать ни писка, когда к ней несётся всадник с выставленным вбок мечом. Но меч его сносит не её голову, а голову Скалли, который также голый стоял рядом с ней. И вот будто кто-то разломал плотину – эмоции устремились мощным ручьём наружу – обезглавленное тело мужа лежа-

ло на земле и рассыпалось в чёрно-лиловый прах. В его руке не было меча – путь в Вальгаллу закрыт. И она видит, как дух её мужа страдает.

Снова лес. Деревья уже имеют более чёткие очертания, и на ветвях появилась листва. Ворон... Нет, уже два, каркают и указывают своими клювами вперёд. Голая Хильда ступает по холодной, покрытой инеем земле. Замёрзшая трава впивается в её босую стопу как гвоздь. Вопль – долгий, протяжный и пугающий до потери сознания. Два ворона пролетают над её головой и явно летят к источнику звука. Через боль, но Хильда продолжает свой путь.

Граница леса у прогалины, на земле лежит оружие: два копья, меч и два топора. Сжавшись, она делает шаг на прогалину, и мир погружается во тьму. И видит она пять фигур, которые тащат кого-то. Лица все чёрные и неразличимы, как и фигуры. Те, кто тащил тело, бросают его и принимаются пинать по животу, из-за чего лежащий сжимается калачиком и вопит – а может, это не он? Хильда бросается вперед, но что-то, скорее всего, корень дерева, сбивает её с ног, и она падает ничком в чёрно-лиловую землю. Подняв голову, она видит изуродованный труп своего мужа без головы, которую уже насадили на копье. Она роняет мучительный вздох, слезы выкатываются из её глаз, и она падает на землю в предсмертной печали. Сон обрывается на карканье.

Опять лес, но он выглядит иначе и более знакомым:

листва стала зеленее, деревья не такие высокие, трава короткая и покрыта ишиками. На ней платье, в котором она выходила замуж за Скалли – белое с красными узорами по рукавам, а талия обтянута кожаным поясом. Длинное и чистое платье парит над землёй, и босые ноги с лёгкостью преодолевают каменистую землю.

Она вышла к прогалине – какая же она красивая и зелёная! Две птицы кружат где-то у рва со стоячей водой. Почему-то птицы ей знакомы, хоть она толком их не видит. Всё ближе подходя ко рву, всё тревожнее она становилась, ведь птицы закаркали. На земле лежали два меча, секира и два топора. Кровь – ещё свежая и тёплая, её ноги ступают в лужу крови, и она невольно отскакивает от неожиданности. Боги, так вся земля пропитана кровью! Её взгляд ловит копьё, на котором, затылком к ней, сидит голова. Она обходит его сбоку, медленно, словно крадущаяся кошка, её зрачки расширяются, и боль сжимает грудь: на копье голова Скалли.

Место изменилось. Она на корабле, за талию её обнимает Скалли и светло улыбается ей, на душе становится спокойно, и она улыбается ему в ответ. На море небольшие волны, ветер подгоняет парус, команда толкует о последнем набеге. Кто-то начинает спорить, и завязывается потасовка. Скалли, будучи уважаемым среди всех воинов, разнимает двух одичалых, словно быков, мужчин и грозит им, что за споры на корабле он лично вышвырнет за борт. Один из

воинов плюет ему на спину, и Скалли с разворота бьёт ему в челюсть так, что тот падает на борт и сплёвывает кровь с двумя выбитыми зубами. Она помнит этот момент как настоящее событие, которое случилось, но оно ей просто снится, а она не понимает почему.

Тёмные тучи движутся им навстречу, Скалли приказывает опустить парус и приготовиться к шторму. Хильда смотрит зачарованно на молнии, которые рассекают небо, как секиры. Обернувшись, она понимает, что осталась одна: корабль пуст. Полил дождь, волны захлёстывали её, и корабль метало по волнам. Она еле держалась, чтобы не вывалиться за борт. Огромная фигура змея мелькнула за гигантской волной, что неслась на корабль Хильды. Она прижалась к мачте и закрыла глаза...

Дом. Очаг. Огонь горит в центре хижинки, где живут Хильда и её муж. Она обращает свой взор на открытую дверь, откуда проливается лунный свет и дует ветер, заставляя дверь хлопать. Почему-то ей страшно, и мысленно она зовет Скалли, ведь слов произнести не может. Позади неё тухнет огонь, и дом погружается во тьму. Затаив дыхание, она выходит наружу, где идёт ливень и бушует свирепый ветер. Её распущенные светлые волосы сдувает назад, а платье прижимает к ногам. Луна – колесница ночи – откушена и светит вполсилы. Крик раненого раздаётся у неё за спиной. Она стремится к лесу, откуда исходит звук. Пробегает всё дальше, и крик становится чётче. Трава и

земля нормального цвета.

Над головой пролетает ворон, а за ним второй, и они поочерёдно каркают. Хильда спешит за ними, выходит вновь на прогалину и видит пятерых мужчин разных пропорций и роста, но лица их закрыты тенью деревьев. Перед ними на коленях стоит Скалли. Мычание и неразборчивая речь исходят от них. Она старается подойти поближе, но прямо перед ней садится ворон и машет крыльями, сдувая её назад. Мужчины принимаются лупить и беспощадно бить Скалли, пока тот не начинает харкать кровью. Низкий мужчина с хромой ногой поднимает свой меч и рубит голову Скалли, другие принимаются тыкать и рубить его тело. Высокий мужчина с секирой рубит ноги и руки Скалли. Один из них зарывает копьё в землю и насаживает на него голову мужа Хильды. Она собирается закричать, но сон прерывается...

Предыдущий сон повторяется вновь на шестую ночь, только в этот раз она видит всадника из первого сна и его коня, у которого больше чем четыре конечности. Из лесу виднеются светящиеся жёлтым глаза, их сотни. Всадник объезжает голову Скалли, два ворона кружат над Хильдой и злобно, а может, насмехаясь, каркают. Хильда в истерике бежит к всаднику с голыми руками, но тот поворачивает свою голову к ней и из темноты капюшона смотрит на неё пугающим взглядом; она, оторопев, замирает. Всадник несётся на неё и сбивает своим конём. Хильда падает на землю.

Она наблюдает за ссорой между её мужем и каким-то из воинов. Она вмешивается, и воин бросает неуважительное оскорбление в её сторону, за что Скалли того бьёт до полусмерти. Скалли ей рассказывает что-то, Хильде это не нравится, и она выражает своё горячее недовольство. Глаза её блестят от слёз, и они, словно льдинки, падают на пол и разбиваются на мелкие частицы. Скалли куда-то уходит. Наутро его нет с ней в постели, она переживает и, отворив дверь, видит его голову на копье прямо у своего порога.

Спор. Скалли уходит, на этот раз в гневе, и Хильда бросает резкие высказывания насчёт его решения. Она идёт к одному из своих знакомых, который испытывал к ней тёплые чувства и давно мечтал разделить ложе с ней. Вся на эмоциях и в обиде, она отдаётся другу её мужа и во время занятия любовью она рассказывает, что Скалли задумал. Его имя Хильда не помнит больше, но в голове откликается имя Сигг. Что же она наделала? Позор не смыть ей, как и не унять сжигающий её заживо стыд. Она бежит к своей хижине, но Скалли там нет.

Лес шепчет ей что-то. Разум поглощает тихий голос, он звучит так божественно, так духовно. Хильда бредёт за ним по лесу, пока не выходит к прогалине. Она наблюдает, как пятеро мужчин глумятся над изувеченным Скалли. Начинается кровавая баня: они рубят его, тыкают копьем и медленно режут мечами по ногам и рукам. Высокий мужчина рубит секирой голову Скалли и насаживает её на копье.

Хильда в ужасе несётся на них, но спотыкается и проваливается под землю, где её охватывает холод и запах смерти; Тьма такая, что даже вытянутой руки не видно. Она кричит, но крик отражается от тьмы и устремляется прямо в голову, и бьёт в разы сильнее. Тело её покрывается чёрными наростами, пока она полностью не превращается в замершую статую.

Последний сон так больно вспоминать, ведь если бы она рассказала Скалли, то, может быть, ничего бы не случилось. Во сне они вновь спорят, и Скалли велемечиво объясняет ей, как она неправа. Хильда остаётся одна, в обиде и злости. Вновь она уже лежит на кровати с Сигг, и по её груди скользят крупные мужские руки. Сон становится неразборчив, она видит множество лиц, и все что-то говорят, превращая звук в нечто, что бы услышал даже глухой. Что? Она вновь в лесу, голая, испуганная, и руки её в крови. Хильда вытирает их о мох на дереве, но кровь застыла. Вопль, топот копыт, она бежит на звук. Два ворона пролетают над её головой.

Выйдя на прогалину, она видит пятерых мужчин, Скалли сидит на коленях и бесстрашно смотрит на них. Резко становится темно, на земле лежат два копья, меч и два топора. Тело Скалли расчленено, голову его держит всадник и насаживает её на копьё. Хильда в истерике бросается вперёд, но спотыкается о корень дерева и падает ничком. Подняв голову, видит, что небо вернулось к своим краскам, а земля

стала вновь коричневой и зелёной. Пятеро мужчин уходят с прогалины в лес, а Хильда бежит к разрубленному телу мужа и падает без чувств... Глаза Скалли подняты вверх, рот его раскрыт широко, по его бороде стекает кровь. Она просыпается.

Хильда от всех воспоминаний не могла унять плачь, и сердце её болело, а в лёгких недостаточно воздуха. Крик бесполезен, как и сожаление, ведь всё уже случилось.

Внезапно пол затрясся, посыпались камни, и в шаге от неё появился провал, который излучал тёмно-лиловый свет. Мертвецы в костре завyli и забились то ли от страха, то ли от боли. Вдруг, Хильда услышала суровый щёлкающий женский голос, но слова были неразборчивы.

– Ты сделала это, – прозвучал голос Скалли. – Нора открылась, но она не прямая к Хельхейму. Богиня Хель знает о твоих намерениях, она злится, но и возлагает надежды. Поэтому она хочет испытать тебя. Будь осторожна, что бы там тебя ни поджидало. Колодец мудрости...

– Скалли, не покидай меня! – хлюпая, проговорила Хильда, но голос исчез. – Скалли!

Разрыв светился всё ярче и ярче, и белые лучи пробивались сквозь чёрную массу разлома. Нерешительность не давала Хильде просто шагнуть туда, инстинкт предостерегал её. Она вспомнила про шамана. Портал не исчезнет, наверное. Выйдя к туннелю, она прошла вперёд и наткнулась на тело старого шамана. Она не разглядывала его долго, лишь

закрыла ему глаза и поблагодарила за его жертву. Проведя по его глазам, она пальцами дотронулись до шеи шамана и, поднеся пальцы к свету, увидела алую кровь. Его убили. Жертва шамана не будет напрасна, и она достигнет своего назначения.

Голос Скалли придал ей так не хватающих сил и смелости. От одной мысли, что она сможет увидеть его в последний раз, сбивалось дыхание и по телу раскатывалась радость. Она шагнула в бездну разрыва и исчезла в тёмно-лиловом или фиолетово-сером свете – и разрыв захлопнулся.

Kaflí þrjú: Allt ek veit óðinn. Hvar þú auga falt³

Тёплая влага обволакивала её кожу и согревала тело. Вода конденсировалась на лбу, стекала вниз по носу, капала на землю. Обильная, на удивление зелёная растительность укутала толстые, как бревна дубов, корни Мирового Древа. Вытоптанная тропа была освещена водой, которая ровным потоком бежала в самую глубь того, что напоминало чью-то глотку. Хильда, крепко сжав рукоятку меча, пристально глядела по сторонам. Два тела пролетели мимо неё, покружились и устремились вперёд. Лёгким бегом она устремилась за ними.

Вся её одежда промокла, и ей стало тяжело бежать. Дорожка из вытоптанной травы редела и превращалась в голую землю, покрытую камнями. Глаз невозможно было оторвать от зарослей – растения выглядели и пахли удивительно прекрасно, и после пещеры, где стоял тяжёлый запах жженой плоти и везде была слизь, Хильда впервые могла дышать свободно, расслабленно. Рука ослабила хват, и она отпустила меч – здесь не должно быть опасностей.

³ Глава третья. Всё я знаю, Один, где ты затаил глаз. (Название этой главы написано на древнеисландском, из которого возник современный исландский. Текст из «Слова Гримнира».)

Те же два тела кружились перед ней, словно пытаясь догнать друг друга. Одно из тел, что светилось кристально-зелёным, пролетело через Хильду, у неё перехватило дыхание, ноги подкосились. Второе тело издало скрежет, как от ножа по стальной пластине, и влетело в Хильду, сбив её с ног. В её легких словно бурлило море, и волны захлестывали до горла. Жадно хватая воздух, она старалась перевернуться, но два тела висели над ней и держали её своими невидимыми руками. Глаза её выпучились, лицо покраснело, вены проступили на шее и лбу – она задыхалась.

Раздался отвратительно воссозданный рык медведя, и мелкое существо выскочило из чащи и хаотично замахало руками. Два тела, зелёное и пурпурное, взмыли вверх и растворились в воздухе. Хильду тут же отпустило, и сладкий воздух заполнил её легкие, надышаться было невозможно.

Мелкий человек, ростом не больше ребёнка, подошел к лежащей Хильде и дал ей руку. Она приняла её и с благодарностью посмотрела на низенького человечка с крупными, рабочими руками. Заросли стали шумнее, и светящаяся вода потекла в обратном направлении.

– День сменился ночью, – сказал гном с одним глазом, уродливым шрамом на щеке и с заскорузлыми руками плотника.

– Спасибо тебе, – стоя на коленях, Хильда смотрела на его потрёпанный кафтан с шёлковыми вставками на локтях.

– Никогда не видел человека из Мидгарда, – гном с инте-

ресом разглядывал воительницу, медленно обходя её и трогая кольчугу. – Паршивые у вас мастера в Мидгарде! Кольчуга твоя никогда бы не выдержала удара друга или того же Ётуна. – Он заметил кровавое пятно у неё на бедре. – Это кто тебя так?

– Ётун, – через сжатые зубы ответила она и попыталась встать, но рана заболела с новой силой. – Вот дрянь.

– Погоди, – гном сунул свою шершавую руку в мешок, что висел у него на поясе, сделанном из цепи. Оттуда он достал мелкий флакончик с мутной, похожей на застоявшийся бульон, жидкостью. – Выпей – и тебя поднимет на ноги.

– Откуда мне знать, что ты меня не отравишь? – Хильда недоверчиво смотрела на содержимое флакона.

– Спасал бы я тебя, если бы ты мне нужна была мёртвой? Смесь была отвратительна, и с трудом можно было сдержать рвоту, но она всё проглотила, и по её телу будто разлился огонь, а в сердце кто-то вложил пылающий факел. Гном добро улыбнулся, видимо, радуясь, что его жижка помогла.

– Куда ты держишь путь? – спросил гном.

– В Хельхейм, – ответила Хильда и встала на ноги, боль прошла. – Ты местный, должен знать, где колодец Мимира. Отведи меня к нему.

– Небось нечто важное ждёт тебя в Хельхейме? – гном загадочно посмотрел на неё своим зрячим коричневым глазом.

– Да, мой муж, – ответила Хильда и хлопнула ладонью по неповреждённой стороне бедра. – Покажешь путь?

– Ступай за мной.

Первое время они шли молча. Камни хрустели под ногами, словно снег после заморозков. Кто-то скользнуло между двух корней, Хильда напряглась: два огромных оранжевых глаза таращились на неё. У неё перехватило дыхание, и она вынула меч. Гном тут же кинулся к её рукам и принялся опускать меч. Чудище царапало когтями толстый корень и не сводило своего взгляда с них двоих.

– Это Рататоск! Не зли его! Убери меч, кому говорю!

Хильда опустила меч. Из тени растительности вышла огромная, размером с медведя, белка и заклокотала. Её острые когти скребли землю, оставляя внушительные бороздки. Гном что-то крикнул, и белка потупилась. Он принялся говорить на языке, очень созвучном с беличьим клокотом. Рататоск сел на свой пушистый хвост и принялся умывать лицо.

– Идём, скорее, – сказал гном и побежал вперед, Хильда за ним. – Он разрешил нам пройти, я договорился.

– Уму непостижимо... – Хильда была впечатлена размерами животного. В детстве она охотилась на белок и ела их со своим братом в лесу рядом с озером.

– Тебе не очень рады здесь, – гном развернулся к ней и своей грубой рукой подхватил камень с земли.

– По всей видимости...

Рататоск злобно клокотал и шипел в спину Хильде.

Гном шёл впереди и подкидывал камушек в воздух, тот

крутился, и он ловил его тремя толстыми, как жерди, пальцами. Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз, и камень терял свою изначальную острую форму и округлялся, становился гладким. Хильда иногда поглядывала назад, не следует ли Рататоск за ними, но его и след простыл.

Когда она повернулась в очередной раз, то врезалась в гнома и чуть не кувыркнулась через него. Он выпучил свой глаз и испуганно посмотрел на неё. В его руке лежал ровный овальный камень с прелестной белой линией, проходящей ровно посередине.

– Колодец прямо впереди, – заговорил гном. – Но перед тем как ты туда пойдёшь, возьми этот камушек и передай его трём вещуньям. – Он протянул камень Хильде.

Камушек был невероятно тёплым, и в нём будто текла кровь и билось сердце: тук-тук, тук-тук.

– Ты не пойдёшь со мной? – Хильда спрятала камушек у себя в ладони и зажала крепко-крепко.

– К Мимиру не приходит абы кто – тем более гном, – он посмеялся, но слышалась грусть в его глухом смехе.

– Спасибо тебе, – Хильда протянула руку гному. Он её схватил за запястье и крепко пожал.

– Удачи тебе на пути, Хильда-воительница!

Гном удалялся, и чем дальше он уходил, тем громче шумела вода впереди. Вот и он – колодец. Каменные бортики огораживают воду мудрости, вокруг стоят три женщины, обёрнутые в белые платья и с распущенными по спинам во-

лосами. Слева направо менялся цвет волос – седой, тёмный и светлый. Хильда осторожно подходила к ним, тихо в голове призывая Скалли, но он не отвечал её зову. Что она должна сделать? Ей никто ничего не объяснил, она пришла сюда лишь со слепой надеждой, что всё как-то само образуется, и она пройдёт в Хельхейм.

– Никогда человеческая нога не ступала на твои земли, Мимир, – заговорила женщина со светлыми волосами.

Голос её был так мягок, что на него можно было прилечь, как на подушку, и наслаждаться его мелодичностью.

– Её нити мы сплели, сёстры, – заговорила женщина с тёмными волосами. – Мы знали, что она будет здесь в это самое мгновение.

Голос её был пониже, и слышался в нём возраст, напомнив Хильде голоса всех тех людей, которых она знала в Мидгарде и которые, скорей всего, всё ещё живут там.

– Её история подходит к концу, – женщина с седыми волосами развернулась к Хильде лицом: она была стара настолько, что сложно было вообразить, как она вообще ещё жива.

Глаза её белые, и лишь потерявший свет зрачок скачет влево-вправо. Голос её стар, отдает чем-то забытым, прошедшим. Лицо... Это не лицо – а натянутая на череп кожа.

– Опишите мне её, – раздался мужской голос, звучащий будто из-под земли, из каждого камня и каждого цветка. – Мои глаза не видят так хорошо, как прежде.

– Грязная, по локоть в крови, очи её полны печали и со-

жаления, а уста её молчат о содеянном. Волосы её таят страх, а ноги – путь, который она прошла. Руки её утаивают битвы, что она выиграла и проиграла. Грудь её болят от осознания, что дитя к ним никогда не прикоснётся, а живот стонет от волнения. В день волчьей пурги она родилась и за волка вышла замуж.

– Да-а, – протянул Мимир. – Теперь вижу я её – Хильду, дочь Харальда. Она не умеет держать свои мысли: вижу я, чего достичь она хочет.

– Вы норны? – дрожащим голосом спросила Хильда.

– Скульд я, а это мои сёстры – Верданди и Урд. Мы творим судьбы каждого живого в девяти мирах. Наши нити тянутся в самую бездну, и мы же их режем, когда приходит время. Наш удел – прошлое, настоящее, будущее. Я госпожа будущего, Верданди – госпожа настоящего, Урд – госпожа прошлого.

– Вам известна моя судьба? – спросила Хильда.

– Не задавай глупых вопросов, – застонал Мимир. – Норны холодны сердцем и на вопросы о судьбе не отвечают. Только Один смог обманом узнать судьбу свою, и за это изгнан он с земли моей.

– Прошу, мне нужно попасть к Хель, помогите мне, и я исчезну и никогда не вернусь! – Хильда, моля, смотрела на норн.

– Кто тебя направил к колодцу мудрости, дитя? – спросила старая норна Урд.

– Неважно, – решительно ответила Хильда и, собрав всю

храбрость в кулак, выпятила грудь и махнула рукой, рассекая воздух. – Покажите мне путь, и я буду такого!

– Строптивная какая, – немолодая и нестарая норна подошла к Хильде и своими карими глазами посмотрела в её зелёные. – Почему-то нашему взору закрыты последние дни твоей жизни. Кто-то могущественный наложил на тебя заклятие от нас.

– Вератюр! – крикнула самая молодая из норн Скульд, немного пораздумав. – Никто другой бы не смог обмануть наш взор. Его рук это дело.

– У меня для вас кое-что есть, – Хильда разжала ладонь и протянула камушек Верданди.

– У неё камень жизни... – лица норн явно стали злее, и жуткая обида отразилась на них. Молодая Скульд подошла к Верданди, выхватила камень и яростно кинула его о землю, он раскрошился, и из него потекла настоящая тёплая кровь.

Сёстры собрались в круг и тихо шептались. Хильда подошла к колодцу и увидела в нём глаз, плавающий на поверхности. Она наблюдала за ним, как вдруг глаз повернулся к ней, и зрачок его сузился, Хильда попяtilась.

– Мы холим этот глаз, – сказала Скульд. – Как когда-то холили Одина, который пожертвовал себя самому себе за знания. И предположить не могла, что тогда мы и сплетём его нить, которую он, конечно, захочет изменить и перенаправить. За мудростью он направился сюда – и глаз он свой пожертвовал за сокровенное. Тёмной магией пробудил он на-

шу мать, которая поведала ему о конце концов – Рагнароке.

– Мне известно о жертве Всеотца, – в голосе Хильды держалось нетерпение. – Один направлял меня в Мидгарде и оберегал моего мужа от длинного копья и острого меча.

– Не стоит думать о нём так хорошо, – Скульд сжала руку Хильды и пристально глядела на её камушек на поясе. – Этот камушек – откуда он? Гномье мастерство я узнаю из любого.

Хильда выдернула руку из хвата Скульд. Молодая норна фыркнула:

– Может, и не видим мы твоих последних дней, но мысли свои ты держать спокойными не можешь, – Скульд обошла Хильду, рука её скользила по плечам, бёдрам, шее, а губы её приближались всё ближе к щеке Хильды. – Коль ты желаешь осуществить свою судьбу, то должна ты стать властительницей своих эмоций, они тебя выдают. Судьбу Хель мы не плели и не знаем, что её ожидает... – Скульд стояла очень близко к уху Хильды и шептала: – Если она почувствует твой страх, переживание, то конец твой приблизится.

– Помогите мне, – Хильда краем глаза видела тонкий нос Скульд и её розовые губы. – Научите меня контролировать эмоции.

– Мы тебе откроем глаза, а далее всё лишь за тобой.

Раздался вой, от которого дух покидает тело сам собой. Стены и корни затряслись, камни попадали в колодец и утянули на дно глаз. Норны переглянулись. Урд заговорила:

– Фенрир страшное воет перед дверьми в Хель. Волк разо-

рвёт свои оковы и сбежит. Змей бьётся по волнам, орёл жадно кричит, раскалывая бледным клювом трупы. Наглфар – корабль великанов – высвобожден.

– То, что мать и предсказала, – Скульд опустила ладони в воды Мимира, зачерпнула и поднесла к губам Хильды. – Солнце станет чёрным, земля потонет в море, яркие звёзды попадают с небосвода. Пламя опалит листья Иггдрасиля, огромный пожар достанет до самых высоких облаков.

Хильда выпила воды из ладони Скульд, и глаза её стали видеть лучше, словно всё мироздание открылось ей.

– Путь, на который ты ступила, опасен, – продолжила Верданди. – Остерегайся Седобородого, к концу концов он, как никогда, отчаян.

В голове нависла тяжёлая, серая туча, и в ушах загремело. Зрение мутнело, и стоять было невозможно – Хильда упала, а прямо перед её ликом кружились три лица: Прошлого, Настоящего, Будущего. Они кружились всё быстрее и быстрее, пока все детали не размылись и стали однородной серой массой. В ушах гремело, словно кто-то стучал по серебряному подносу ложкой. На лице ощущался морской ветер – суровый, холодный и пресный. Её глаза открылись – и она охнула от изумления.

Kaflí fjögur: hvar er leið til himna frá jörðinni⁴

Она была на корабле, парус хлопал на ветру, команда бежала по палубе длинного драккара. Хильда стояла, прислонившись к мачте, с щитом на спине. У неё на поясе висели меч, вместо мешка – шлем, а у пупка – камень, который ей дал шаман ещё тогда, в пещере.

Волна разбилась о корму драккара, и холодная вода окатила Хильду. Впереди шла ладья, а за ней армада кораблей. На каждом судне было по пятьдесят отлично вооружённых воинов, и в их глазах горел огонь слепой ярости. У самого носа стоял мужчина с длинными волосами цвета угля. Доспехи были прекрасно подогнаны под его широкое тело, на спине его висела секира с простым древком, но волшебными выполненными узорами на лезвии.

– Вот оно – конунгство Фроди! – закричал конунг Мюсинг и обернулся к своей команде. – Сегодня мы заберём и его землю, и его магическую мельницу, которая будет молоть нам неслыханные богатства! – Вся ладья завопила, завывала, зарычала. За этой ладьёй завывали и другие. Над морем навис боевой клич. – Как волки в овчарне, забудьте про жалость! Сегодня кровь разольётся реками, что стекут до самого Ни-

⁴ Глава четвёртая: где тропа от земли к небесам

фльхейма!

Морская вода пресная, словно они плыли по озеру. Команда стянула паруса, когда суша была уже видна невооружённым глазом, схватила вёсла и на выдохе, при этом покрикивая имя своего конунга, гребла до самого берега. Сотни ладей пришвартовывались у берегов, и с каждой сходило пятьдесят воинов, а клич их, звон топоров и мечей о щиты доставал до самого неба. Ладья Мюсинга причалила ближе всего к городу, построенному на холме. Огромные деревянные стены были возведены вокруг, и на каждой стояли лучники с зажжёнными стрелами. На верхушке стены почти бездвижно горели огни, но как только вся огромная армия собралась, огни взмыли в воздух, столпились в одну огненную стену и посыпались на драккары и воинов. Крик и стон умирающих вознёсся над полем. Счастливым и внимательным удалось скрыться за щитами, а менее счастливых ждала участь корма для воронов. Драккары вспыхивали, как хвост, один за другим, паруса сгорали за секунды, мачты обугливались, – небо заволкло дымом.

Хильда шла рядом с Мюсингом, ноги её вели сами, а рот не мог раскрыться и произнести слова. Свист стрел затих, она выглянула из-за щита, вынула меч из ножен и во весь голос крикнула: «В атаку!»

Из города вышла армия, по размеру не уступающая армии Мюсинга. Тысячи воинов сошлись в смертельном танце меча и топора, секиры и копья.

Разорванные *великанами битв*⁵ трупы валялись в грязи, и их затаптывали те, кто был ещё жив. Хильда со слепой яростью бросалась в бой, и щит её отражал удары, а меч резал врагов. Но всё её внимание было обращено на конунга Мюсинга, который своей секирой, точными ударами, убивал одного за другим. Кровь, руки, головы – взмывали в воздух. В глаза заливалась тёплая кровь, она окутывала всё тело, как одеяло, попадала в рот, солёная и вязкая. Бой продолжался.

Мюсинг одерживал победу за стенами города, и когда последний воин конунга Фроди упал в грязь, наступила мёртвая тишина. Хильда стянула с себя шлем – он был весь в крови, и глазницы его покрыты царापинами. Невозможно, но Хильда услышала хлопанье крыльев. Подняв голову, она увидела двух воронов, кружащих над трупами. Солнечный свет пробивался сквозь облака, и она молча наблюдала, как валькирии забирали каждого павшего в бою. На своих колесницах они увозили их в чертоги Одина и Фрей.

Ворон спикировал вниз и впился своими когтями в лицо трупа, что лежал близ Хильды. Ворон посмотрел своим чёрным, бусинкой, глазом на неё, а она на него. Голос раздался в её голове: прерывистый, нахальный, властный. Ворон каркнул и взмыл к своему другу. Хильда опустила щит и подошла к Мюсингу, он на неё посмотрел с улыбкой сумасшедшего.

⁵ Так называли секиры в сагах скальды. Секира была безоговорочной королевой и великаншей битв. Оружие само по себе было дорогое и позволить его себе могли лишь богатые, а урон она наносила ужасающий.

– Фроди, сын вшивой суки, выходи и прими свою судьбу! Отдай нам Гротти, и мы оставим твоё жалкое конунгство в покое! – ответа не последовало. – Воины мои, мы произошли от самого Тюра! Не расслабляйте своих рук: у нас еще битва впереди! Берём город штурмом! Сжечь каждую халупу и убить каждого человека! Фроди мне нужен живым, как и его рабыни!

Врата затрещали от ударов тарана, долго им не простоять, натиск обезумевших от крови воинов был слишком силён. Только сейчас Хильда заметила, что на поясе Мюсинга висел холщовый коричневый мешочек с кровавыми пятнами. Ничего не видя кроме него, она схватила его и дернула так сильно, как только могла. Мешок теперь был у неё. Мюсинг нахмурил брови и схватил Хильду за руку. Он сжимал так больно, что она не смогла удержать мешочек и тот упал на землю.

– Контролируй себя, – сказал Мюсинг женским голосом. – Не дай себя обмануть.

Конунг отпустил её. Она робко нагнулась и подобрала мешочек. Развязав его, она увидела пустоту: мешочек был пуст, хоть и казался полным. Мысли собрались воедино, и она вспомнила, что с ней произошло. Вспомнила норн и их лица – и тут же она увидела в лице Мюсинга отражение Верданди: её румяные щёки, тонкие губы, веснушки и голубые глаза.

Ворота пали, прозвучал рог, и орда ринулась внутрь грабить, жечь и убивать. Одичалая улыбка Мюсинга вернулась,

он поднял свою секиру над головой и завыл как волк, потом зарычал как медведь, а затем зашипел как змей.

Хильда отражала удары и била в ответ, ярость наполнила каждую жилу, и она потеряла контроль: у неё выбили меч и ударили щитом по лицу. Она еле дышала, липкая грязь приставала ко всему и лезла в рот. Чёрные полосы, как падающие звезды, проскакивали у неё перед глазами, и всё вокруг темнело. «Вставай!» – прозвучал голос молодой норны. Хильда пришла в себя, словно её окатило ледяной водой. Она поднялась, Мюсинг безжалостно рубил воинов Фроди, которые носили шлемы с золотым гребнем. Мечи их были покрыты рунами, как и каждое копьё с секирой.

Удар бежавшего на Хильду противника был отражён. Шаг в сторону, легкий взмах – и она рассекла ему брюхо. Два движения, но с какой лёгкостью ей удаётся убивать одного за другим. С холодным лицом, что намного страшнее оскала, она шла в бой и леденящими ударами обрекала ещё десятки на смерть.

Бой подходил к концу, ведь почти не осталось тех, кто мог бы сражаться. Хильда чувствовала, как ярость, что раньше всегда вела её в бой, сменилась холодной точностью, и удары её стали смертельными. Копьё – опасный противник, но Хильда уклонилась от удара, вертикальным движением переломила древко копья, оставляя противника беззащитным, и меч её мгновенно достигает шеи врага, кровь окрасила каждый дюйм её брони и одежды.

В длинном доме конунга Фроди нашли двух рабынь и мельницу Гротти. Рабынь сковали и увели из города к драккарам, а мельницу пришлось тянуть за собой пятнадцати самым крепким мужчинам из армии Мюсинга. Фроди, весь побитый, с кровью на бороде, расшибленным глазом, порезанными щеками, стоял на коленях без рубашки. Петля висела на его шее. Мюсинг присел перед Фроди, поднял его ожерелье в виде молота Тора Мьельнира и дёрнул за него.

– Боги отвергли тебя, – велеречиво заговорил конунг Мюсинг. – Ты потерял всё, что строили твои предки годами, из-за мельницы. Пробить бы тебе сердце и бросить в могилу к павшему скоту, но так уж и быть, я тебе дам шанс на Вальгаллу.

– Какие будут указания, конунг? – спросил один из воинов.

– Подготовьте церемониальную казнь! Вечером, когда первые звёзды покажут свои лики, мы казним конунга Фроди с помощью кровавого орла.

Воины схватили Фроди под мышки и потащили его из города. Когда они проходили мимо Хильды, Фроди посмотрел на неё, и вся обида, горечь предательства, которые он испытывал, ударили волной воительницу.

Один, Отец павших, Всеотец – это он даровал Фроди мельницу Гротти и рабынь. Преподносил он эти дары под разными именами. Фроди богател, его конунгство росло, и люд жил припеваючи. Но никому не понять гений мыслей

Отца павших. Он же и подговорил рабынь, чтобы те на мельнице намололи войско Мюсингу, и тогда их ожидала свобода. Долго они не думали, и решение их было очевидно: предательство своего конунга. Рабыни принялись молоть, а Мюсинг радостно потирал руки, видя, как разрастается его армия.

Один был в зале Фроди, когда штурмовали городские ворота. Фроди молил о помощи, о совете, но Один повернулся к нему спиной и вышел через главные двери, ровно когда ворота пали и улицы заполонили воины Мюсинга. Горький вкус предательства застрял в горле конунга Фроди. Он метал вещи и махал топором, яростно кричал, пока у него не осталось сил, и он не рухнул на колени. Мюсинг и его воины окружили беспомощного Фроди, связали его и принялись выбивать где тот спрятал волшебную мельницу и рабынь, – но ничего не вышло. Людям Мюсинга пришлось обыскать весь дом, чтобы найти тайный проход в полу. Грот, что тянулся до самых городских стен, был освещён факелами. В нём же и затаились рабыни, и мельница была с ними. Следовало видеть довольную и напыщенную улыбку конунга Мюсинга.

Звёзды зажглись на небе и как бы случайно сложились в форме орла. Стоячие факелы освещали тропу к месту казни, где поставили два деревянных столба и приделали кандалы для рук. Факелы стояли вокруг, их тени падали на голую землю, которую окропили кровью овцы. По тропе вели Фроди, он шёл, выпрямив спину, и смотрел на всех с презрением, а

может, и с радостью: оба его глаза заплыли от фингалов, но под его усами была видна улыбка безумца. Мюсинг стоял в белой рясе и держал ритуальный нож с топором. Под руку Фроди вела сама Хильда. Воины с уважением клонили головы и шептали короткую молитву.

Что было между осадой и казнью – она не помнила. На ней была белая рубаха, перетянутая тонкой верёвкой на животе, отчего та вся смялась.

Фроди приняли два воина и приковали его к столбам лицом к толпе. Мюсинг подошёл с топором и ножом к Хильде и передал их ей. Она готово кивнула и обошла Фроди. Откуда ей знать, как делать кровавого орла? В жизни ей не приходилось кого-то казнить, но руки знали своё дело и самостоятельно протянули к губам Фроди нож – он его поцеловал. Затем топор – он его поцеловал. Забил барабан: «Бум-бум-бум-бум! Бум-бум-бум-бум!» Хильда провела кончиком ножа по спине Фроди, он слегка поёжился, опустил голову, но быстро поднял её и пристально начал смотреть на толпу.

Острое лезвие ножа легко рассекло кожу. Хильда с точностью мясника отделила кожу с мышцами от кости. Каждый порез – и нож вгрызался всё глубже в тело Фроди. Кровь ручейками стекала по его спине. Красные от крови пальцы Хильды отложили нож. Толпа молча смотрела, как она хватает разрезанную кожу у позвоночника и тянет каждый конец в свою сторону, распрямляя кожу, словно крылья. Фроди пыхтел, руки его тряслись, но головы он не опускал. Она

взяла топор и ударила по рёбрам: кровь брызнула ей в лицо, на белую рубашку, Хильда слизнула теплую кровь с губ. Точными ударами она разломала ребра, схватила их и начала тянуть в разные стороны.

Густая, тёмная кровь лилась изо рта Фроди, его дыхание было уже совсем хриплым, и он с трудом держал голову. Лёгкие, розовые, наполненные кровью, еле шевелились. Она отложила топор, закатала рукава и полезла за ними. Фроди всё ещё был в сознании и чувствовал всё. Он дрогнул в последний раз, рот его широко раскрылся, как и глаза под фингалами. Густая кровь нитями свисала с его губы. Хильда потянула его лёгкие на себя, и когда они оказались на одной высоте с крыльями из рёбер, она их отпустила. Кровавым пальцем она вырисовала руну Тюр на шее Фроди и страстно облизнула палец.

Голова конунга Фроди повисла, и последние нити крови упали на землю. Толпа взмыла руками вверх и принялась повторять одно и то же: «Тюр – отец войны. Прими наш дар! О Тюр, защити нас своим щитом и закали наши мечи! Тюр – бог войны!»

Хильда посмотрела на содеянное и увидела прекрасного орла на спине мёртвого конунга. Ужас переполнял её, руки были по локоть в крови. К ней подошёл Мюсинг, взял нож и отрезал кусочек плоти Фроди. Мелкий, ещё тёплый кусочек красного мяса оказался у неё во рту. В состоянии шока и транса она принялась жевать его, и предстала перед ней

истина.

На её месте, над трупом Фроди, стоит Мюсинг и с бешеными глазами смотрит на содеянное. Хильда же стоит в толпе, её руки чисты, и на ней её обычная одежда.

– Не давай иллюзии обмануть себя, – за плечом Хильды стояла Верданди. – Ты должна была знать истину.

– Что это всё значит? – потерянная и непуганая, спросила Хильда.

– Трагическое происшествие Гротти, – ответила Верданди.

– Я видела горе Фроди, когда его вели из города. Он винил Одина во всём.

– Заклинатель даровал рабынь из Ётунхейма Фроди, а потом новый ему не известный конунг Обвисшая Челюсть подарил ему волшебную мельницу, что способна вымолоть всё что угодно. Но человек был слишком слаб для неё, и тогда поставил Фроди великанш молот для него богатства. Фроди был жесток и не давал отдыха им, тогда они решили освободиться сами. Видели они вновь Заклинателя, который пообещал им исход. Мельница недостаточно тёплая от человеческой крови...

Верданди подалась вперёд. Всё замерло, ничего не двигалось, а звёзды словно упали с неба.

– Великанши намололи армию для Мюсинга, и они же стали пленницами своих освободителей.

– Верданди, – заговорила Хильда. – Я не понимаю! Поче-

му я здесь? Зачем вы меня сюда отправили?

– Знать ты должна, кто с тобой затеял игру. Тот, кого все зовут Всеотцом, причина твоих страданий.

– Что ты такое несёшь? – Хильда стала серьёзнее в лице.

– Он забрал жизнь многих в ходе своих игр с судьбой...

Как и Скаллигрима.

– Ты бредишь! Он никогда бы не забрал так своего воина! Почему я должна тебя слушать?! Может, это ты, кого я должна остерегаться?

– Не будь глупой, – Верданди повернулась к Хильде. – Сны твои – наши послания тебе. Всадника ты видела на коне – Один это был. Он виновник смерти твоего мужа.

Хильду словно ударили ножом в сердце. Она нервно задышала, глаза её бегали из стороны в сторону, а руки цепляли волосы и распускали косу.

– Почему Скалли мне об этом не сказал? – через слёзы спросила Хильда.

– Сам он в неведении. Ты была отмечена Одним ещё в детстве, и следил он за тем, как ты растёшь. К нам он являлся много раз и узнавал про Хильду, дочь Харальда. Мы не разглашаем судьбы никому, и уходил он злой. Хотя хитрости и ума ему не занимать. Он смог выяснить свою причастность к твоей судьбе и нарушил её течение. Знай же ты, что Вератюр играет с жизнями людей, как пожелает. Его амбициям нет предела, и в гонке за своими желаниями он потопит все девять миров в крови, но добьётся своего.

– Слушай сестру нашу, – за спиной Верданди появилась молодая Скульд, а за ней и Урд. – Ты стала игрушкой в его руках. Но в твоих силах изменить это. Твоя история ещё не окончена. Тропа к небесам с земли лежит через познание.

– Завершить ты должна эту историю, чтобы знать лучше своего противника, – голос Урд звучал как старая скрипящая дверь. – С каждой выигранной битвой приходят битвы ещё больше. Приготовься встретиться с ужасом лицом к лицу, ощутить всю тяжесть ярости, которую несёт Вератюр.

– Возвращайся, – прошептала Верданди, и картинка зашевелилась, а норны пропали.

Хильда бездумно шла за Мюсингом на драккар. Они погрузились и отчалили. Море было беспокойным, воду приходилось собирать в вёдра и выливать. Каменная мельница с серебряной ручкой стояла у мачты, и две рабыни сидели рядом с ней. Мюсинг снял кандалы с рабынь и приказала им молоть соль. Столько соли, чтобы он мог стать самым богатым.

У Хильды упало сердце, когда сверкнула молния, и она увидела огромного змея впереди. Рабыни всё мололи и мололи, ладья уже еле-еле держалась на плаву, но Мюсинг приказывал молоть всё больше и больше. Вода заливалась за борт, и команда в панике попрыгала в воду, а Мюсинг вцепился в мельницу и не отпускал. Хильда старалась спастись, но ладью разломило надвое, и она упала в бурное море.

Вода стала солёной. Ни Мюсинга, ни рабынь она не виде-

ла. Тёмная вода уволакивала их вниз. Яркие молнии сверкнули на небе, и прямо под её ногами пронёсся силуэт огромного змея. Бесплезно плыть наверх – воздух заканчивался в лёгких. Огромный сундук, идущий ко дну, зацепил Хильду и начал стремительно уволакивать её за собой во тьму. Свет с каждой секундой исчезал, и последнее, что она увидела, – огромная челюсть, заглатывающая её вместе с обломками ладьи.

Будто её выкинула волна на берег, она оказалась в темноте. Она трогала себя и чувствовала на поясе мешочек, меч и... камушек, который дал ей шаман, – он пропал. Темно хоть глаз выколи. Осторожно ступая, она услышала свои шаги эхом, отражающимся от тьмы или некой тёмной материи. Как же не хватало факела! Она, почти потеряв надежду, побрела во тьме, доверившись инстинктам.

В глаза ударил яркий свет, да так неожиданно, что она упала. Из источника света, цвета которого она не могла различить, настолько всё казалось однородным, вышел тот, кто сначала представился ей как Лицо-Тень. Он был всё так же одет в мешковатый плащ без капюшона. Он выглядел безупречно. Ухоженная борода, лицо худощавое, но привлекательное. Хильда знала, что именно он забрал у неё Скалли. Она забыла про контроль и, выхватив меч из ножен, кинулась на него. В руке Одина появилось копьё, Гунгнир, и он отразил атаку Хильды, раскрошив её меч на мелкие металлические опилки. Он ударил тупым концом копья по обрат-

ной стороне её колена, и она упала. Острый кончик копья упирался Хильде прямо в горло, она почувствовала, как потекла кровь.

– Ты убил моего мужа! – подняв глаза, закричала Хильда в бешенстве.

– Это было необходимо, чтобы мы встретились, – Всеотец убрал копье от её горла. – Ты та, кто может обыграть Хель и предотвратить Рагнарок. Норны скрывали от меня это. Знали они, что попробую я испытать судьбу!

– Ты обрёл моего мужа на бесчестную смерть! Как ты мог?! Он был выбран тобой! Каждую победу он посвящал тебе! А теперь он гниёт во тьме Хельхейма! – Хильда встала и разочарованно посмотрела на Всеотца.

– Ты сможешь его спасти, – ответил Один. – И, возможно, убить Хель. Тебе потребуется меч, который способен убить бога. Если ты готова поверить мне в последний раз, то тебе я обещаю освобождения Скаллигрима из Хель.

– Как я могу тебе доверять после этого? – Хильда сплюнула. – Норны предупредили меня!

– Норны играют в свои игры, которые непонятны даже мне, – ответил Один велеречивым голосом. – Доверься мне.

– Тот ужас при битве за Гротти – это твоих рук дело? Ты играл с Фроди и Мюсингом! Ярость, которая там пылала... Ты наслал на всех тех людей ярость! Ты не бог воинов, нет. Ты бог проказы и обмана! Ярость твоя – не воинская!

– А что такое ярость? – лицо Одина выглядело нагло.

– Неизвестно мне, но явно не то, что ты под ней понимаешь! Твоя ярость бесчестна!

– Я есть ярость, Хильда Кусачий Меч! Во всех её проявлениях! – голос Всеотца заставил Хильду пошатнуться, и эхом отозвались его слова: – Ярость моя – поэзия! Ярость моя – убийства! Ярость – пища шаманов! Ярость – это огонь! Ярость – это кровь! Яростью я родился, и яростью я питаюсь! Смерть – это ярость! А кто, если не я, определяет смерть? Когда разожётся огонь, прольётся кровь, и когда шаману послать видение? Да, Хильда Кусачий Меч, зовусь я Яростью, и стихия моя – ярость! И зовут меня все по-разному: Гримнир, Вератюр, Лицо-Тень, Седобородый, Отец павших и Всеотец! У ярости много лиц и имён – и все они принадлежат мне! Я паду в схватке с волком Фенриром, и с яростью я погибну! Знания – это ярость! А за ними я тянусь, и сладки они как мёд! Любовь – это ярость! Разве когда любовники вцепляются друг в друга в страсти – это не ярость? Фрея, богиня плодородия и войны – и она ярость шлёт! – Один присел и возложил свою ладонь на плечо Хильды. – Вопрос лишь в том, как ты используешь дарованную тебе ярость.

От голоса его всё тряслось, и вибрация, как дрожь земли, заставила тьму сотрясаться. Никогда она не ощущала такого – истинную ярость. Она горяча как огонь, страшная как медведь, бурная как море в шторм, непредсказуемая как погода за фьордами. Она пылает ярче солнце и пропитывает каждую жилу. Ярость придаёт сил, уверенности и открывает

безграничные возможности. У ярости есть и своя цена: она поглощает тебя полностью. Ярость подпитывает тебя, становится одним целым с тобой и, как злобная тень, следует по пятам. Тень тянулась и за Хильдой, пока через бой за Гротти она не нашла сил в чём-то намного более могущественном – в спокойствии.

Когда она лежала в грязи, она почувствовала, что ярость исходила из её любви к Скалли. Она не стала его любить меньше, но даже в любви должна быть холодная голова. Ей удалось выцепить всё самое прекрасное из любви к Скалли, вспомнить его смех, улыбку – в них было скрыто спокойствие, уверенность, безмятежность. Каждый её предыдущий бой был наполнен тупой воинской яростью. Теперь, взглянув в лицо истинной ярости, она осознала, насколько она стала сильна, отринув её.

Хильда поднялась, каждая часть её тела говорила, что она не боится Одина. В ней не было больше ярости, которая питала её и придавала фальшивых сил. Ярость окрыляет и дает ощущение всемогущества, но на самом деле в один момент она даст осечку – и жизнь оборвётся.

– Ярость ведёт глупца на верную погибель. Тот, кто питает свой дух яростью, падает в лапы коварного бога Локи, и злые духи заселяют его душу. – Хильда нахмурилась и сжала губы. – Не страшусь я тебя, Всеотец. Даже если ты задумал неладное, я найду выход и отомщу тебе. Отведи меня к мечу, что способен убить бога.

Один выглядел очень довольным. Своим единственным глазом он смотрел на Хильду, читал язык её тела.

– В прекрасных цветах – прямиком по склону. Девять испытаний ждут тебя. Пройди их – и меч будет по праву твой.

– Почему ты не можешь мне его просто отдать? – поинтересовалась Хильда.

– Ты не сможешь им даже взмахнуть, если не докажешь свою пригодность. Ступай на свет и докажи, что ты достойна меча!

Свет тонкой полосой лился в бесконечный мрак. Хильда просунула руку, за ней ногу и вошла всем телом – все цвета радуги ударили ей в глаза, что-то треснуло у неё под ногами, и она оказалась в снегу, а вокруг неё лежала тонкая, голубоватая корка льда, которая раскрошилась на прозрачные осколки. Холод застал её врасплох. Она судорожно пыталась выбраться из глубокого снега, но никак не могла. Ей показалось – или снег начал двигаться? Белое солнце ослепило её, и она увидела, как со всей снежной шапкой она катится вниз по склону. Снег поглотил её. Будто некто трясёт горы: с такой мощью лавина сходила вниз. Когда всё затихло, снег начал таять, размораживая практически погребённую заживо Хильду.

Kaflí fimm: Það er ekki aftur snúið⁶

Fyrsta réttarhald: Þolinmæði⁷

Каменистая земля впитала всю воду. Гладкие камни устилались ровным одеялом по всему побережью широкого фьорда. Хильда завалилась набок, чтобы выкашлять воду, застрявшую в лёгких. Нет хуже смерти, чем задохнуться под снегом, и точно такой опыт не хочется повторять. Пошатываясь, она смогла встать и оглядеться. Голые горы с острыми пиками – как наконечники копий. Со всех сторон лишь серые мрачные горы, и вся береговая линия усеяна камнями. Голый, мёртвый фьорд, откуда ни один драккар не отбывал, где ни один человек не ступал. Без оружия Хильда беззащитна, но нельзя давать волю страху. Мешочек на её поясе успокаивал нервы каждый раз, когда она проводила рукой по нему. Куда держать путь и каково первое испытание? Так не хватает того, кто мог бы всё объяснить – но судьба её отведет куда надо.

На фьорде были разбросаны мелкие мохнатые островки. Хильда села у воды на небольшой валун и принялась изу-

⁶ Глава пятая: нет пути назад

⁷ Испытание первое: терпение.

чать их. В глазах двоилось: с каждым взглядом их становилось всё больше, будто они почковались. Мох на островах был неестественно зелёный: слишком яркий, цвета окислившейся меди. Хильда зажмурилась. Через прищуренные глаза она посмотрела на фьорд, и количество островов резко изменилось: их осталось четыре. Глаза её не обманывали – на одном из островов стоял смуглый человек. Она вскочила и нырнула в холодную воду, мурашки пробежали по телу до самой шеи. На последнем издыхании, но она добралась до острова, и теплый мох встретил её. Лишь мгновение на отдых. Идеально круглый остров, а в самом центре стоял жертвенник. Рядом с ним спиной к Хильде ссутулился смуглый мужчина.

На таких жертвенниках Хильда приносила жертвы богам, когда шла на охоту или просила о напутствии. В Мидгарде рядом с домом Хильды был такой, сделанный из пня, окружённый забором из прутьев, три свечи, которые она зажигала только в случае приношения дара Фрее, стояли по краям пня. Жертву необходимо сжечь, и огонь возносил убитых ею зайцев и косуль, и боги получали её дар. Этот жертвенник был очень похож на её: такие же свечи, такие же руны вокруг пня и даже такой же изгиб на срубке. Смуглый незнакомец не шевелился, но от него доносилось мычание, может, неразборчивая речь. Хильда решительно подошла к нему ближе и спросила:

– Эй! Кто ты? – смуглая фигура развернулась к Хильде. –

Во имя Фрей!

Мужчина с обгоревшей головой, без запястий, лоскуты кожи слезали с его щек, подбородка, лба. Его губы были зашиты, а из глаз торчали две щепки. Он мычал – мычал страшно, мучительно. Хильда отступила, мужчина направлялся к ней, переваливаясь с одной ноги на другую. Она начала мотать головой в надежде увидеть хотя бы палку для обороны, но всё было покрыто мхом, даже камня не видать.

Она запнулась и рухнула на землю, поверх неё упало тело мужчины. Она завопила, забила кулаками по его спине, но тот её придавливал к земле и не давал встать. Боги, смрад от его кожи был похож на запах гниющей под солнцем туши тюленя. Хильда схватила его за красное, всё в парше горло и, подняв его голову, ударила прям в лицо. С лёгким выдохом ей удалось встать. Мужчина – или нечто виляло, молотило ногами по мху в потугах подняться, но без рук это было не так просто сделать. Как же пронзительно он мычал: страдания и боль, невообразимые живому. Хильда колебалась.

– Я избавлю тебя от страданий, – она подошла к его голове, подняла подошву над двумя щепками, что торчали из глаз смуглого нечто, и наступила на них. Мычания прекратились, как и движения. – Лучшее, что может дать человек страдающему в предсмертных муках, – это быструю смерть.

Хильда обошла жертвенный алтарь: на нём лежали руки того нечто ладонями вверх. На правой, на указательном пальце, Хильда заметила серебряное кольцо. До боли оно

знакомо, где-то она его точно видела. Ладонь тёплая, пальцы синие – как такое возможно? Она сняла кольцо, окунула его в воду и, смыв кровь, увидела знакомые руны. Такое же кольцо даровал ей Один ещё в начале пути. Она не первая, кто попал сюда, и кто бы это ни был – судьба его печальна.

Горы, берег, фьорд – всё пропало. Она на одиноком острове, окруженная водной гладью, у которой не видно конца. Обескураженная Хильда села у жертвенника и посмотрела на гладкую морскую рябь. Скольких она ещё встретит на своем пути, кто пал в этом месте от суровых испытаний? Не нужно быть чересчур смышленным, чтобы понять: Один хочет достичь чего-то. Сердце её обуял страх смерти; ужас, который стоял впереди. Это кольцо – она должна сберечь его, чтобы вернуть Одину.

Положение не улучшалось, она всё так же была на острове, одна, окружена водой. Мох мягкий, на нём было удобно сидеть. Она облокотилась спиной на жертвенник и угрюмо воззрилась на труп.

– Ты же не собираешься сдаваться? – прозвучал над водой голос Скалли, словно он стоял прямо там, перед ней.

– Скалли! Ты тут! – от радости на её глазах сверкнули слёзы.

– Не сдавайся сейчас, – голос его снимал тяжёлое бремя с души Хильды. – Ты должна быть терпеливой.

– Но я не понимаю, что от меня хочет Один! Где я? – Хильда встала и прошлась по острову.

– Один провисел девять дней на древе Иггдрасиль. Девять дней он истекал кровью, девять дней без еды и воды, девять дней терпения.

– Терпение? – переспросила она. – Это моё испытание?

– Не думай о времени – его здесь нет. Жди, инстинкт сам тебе подскажет, когда открыть глаза.

– Скалли? – спросила Хильда. Ответа не последовало.

Грустная и всё ещё не понимающая, она вновь села на мягкий мох. Столь спокойная вода начала её бесить. Переведя взгляд на труп, она увидела, как тот медленно, еле заметно, но разлетается, как пепел. Вдох – и долгий выдох. Её усталые глаза сомкнулись.

Тяжесть времени ощутима, она постоянно и безрассудно торопит нас. Там, где оказалась Хильда, времени не было, лишь её человеческое понятие дня и ночи, смена зимы на весну и весны на лето. Когда она забыла про время, в голове освободилось место для иного, чего-то более важного.

Последняя кость трупа обратилась в прах, который взмыл в воздух и устремился к воде, – и глаза Хильды открылись. Небывалые чувства охватили её, от которых она начала смеяться, и в глазах её загорелся огонь самоуверенности. В сердце царил мир, а её нетерпеливость сменилась терпением и выдержкой.

За её спиной открылся портал – белый свет ослепил её. Задерживаться здесь больше смысла нет.

– Никакой воин не может считаться воином, если вместо

терпения у него детское недержание.

Прямо у портала стоял Один, облокотившись на мраморную колонну. Хильда стянула с указательного пальца кольцо, которое подобрала с трупа, и всунула его в руку Всеотца. Он криво улыбнулся, воительница прошла, не сказав ни слова. Один щёлкнул пальцами – и портал развалился, а сам он исчез, оставив за собой падающие перья его воронов.

Annað réttarhöldunum: hryllingi⁸

Тьма. Кругом густая, ощутимая на коже тьма – тяжёлая, холодная, наводящая беспокойство. Дом скрипел, Хильда была в просторной комнате, а снаружи доносился хруст, словно кто-то ломает хворост. Глаза Хильды привыкли к темноте. В комнате стояла покосившаяся кровать, на которой лежало иссохшее тело мужчины, одетого в кафтан. Хруст смешивался с чавканьем и еле слышным рычанием. Хильда выглянула через порванные клочки ткани на дверном проёме в длинный холл – никого не было видно.

– Скалли? – тихо-тихо позвала Хильда.

Ответа не было. Что же там хрустит и чавкает? Свет был сожран тьмой, все факелы были потушены, пришлось надеяться на собственное зрение. Хильда старалась производить как можно меньше звуков. Она медленно ступала вдоль ле-

⁸ Испытание второе: страх.

вой стены. Из тени тьмы показался трон, где когда-то восседал какой-то правитель. Её дыхание остановилось. От испуга ей пришлось зажать себе рот ладонью и крепко сдавить вырывающийся крик ужаса.

Из-за трона поднялась высокая фигура, которая держала в зубах человеческую руку. Хруст. Кх-кх, ломались кости руки. Тварь почти не жевала и сразу глотала. Худые ноги, длинные ручищи с острыми, как мечи, когтями. Наверное, хорошо, что Хильда не видела лицо этого ужаса. Надо двигаться, тварь могла почуять её.

– Скалли, мне страшно, – говорила у себя в голове Хильда.

Вот и выход. Двери были выбиты, и у них лежали два обглоданных по пояс воина. По неосторожности в темноте Хильда поскользнулось на крови и громко упала. Чудище замолкло, Хильда затаила дыхание. Сердце было готово остановиться прямо в тот момент, а кровь в её жилах замерла в ужасе вместе с ней. Бум! Трон влетел в стену и раскололся на части. Страх приковал её к полу, встать было невозможно. Тварь пережёвывала чью-то голову и двигалась в направлении Хильды. Голова, как спелый арбуз, раскололась в челюстях чудища, и мозги, как застывшие размятые яблоки, упали на пол с глухим «хлоп». Даже кричать невозможно – такой страх овладел всем телом, что даже инстинкт самосохранения замер.

Тёплая и невидимая сила, словно рука помогла Хильде

встать, и инстинкт, придя в себя, понёс её из дома куда-то, в ещё более зловещую тьму. Она бежала вниз по склону, но чудище её не преследовало. Журчание воды под ногами остановило её – она стояла в мелком ручейке. В горле было сухо, она склонила голову к воде и набрала воды в рот, но, почувствовав её вкус, сразу выплюнула назад и ошарашенно посмотрела на воду, которая вдруг загустела. Это была кровь, холодная, солёная кровь!

Ручей бежал с холма, откуда начали доноситься ритмичные удары барабанов и совершенно животные крики. Раздался рёв такой мощи, что каждый камушек под ногами Хильды задрожал. Во тьме она не могла отыскать путь, откуда пришла. Во мраке всё выглядело одинаково. Рычание становилось всё громче и приближалось всё ближе к Хильде. Ничего не оставалось, как бежать вверх по крутому склону, к звукам барабанов.

Тварь приближалась. Хильда оглядывалась, видя во тьме снующий высокий силуэт. Камень скользнул под ногой Хильды и, видимо, угодил прямо в морду чудища. Оно жалостно завопило.

На вершине холма её взору предстало кладбище: множество могил, одна раскопана. Над ней стояла женщина с бубном и яростно била по нему, крича знакомые заклинания от Artrganga⁹. Хильда встала по другую сторону могилы и по-

⁹ В переводе с древнесеверного: «последующий». Имеется в виду человек, который умер и вернулся к жизни после смерти. Аналог ходячего мертвеца.

смотрела на костлявое лицо женщины, та перестала бить и опустила руку.

– Aptrganga рыщет в поиске тёплой плоти, – с печалью заговорила женщина, будто всё, что здесь случилось – её вина. – У этой твари нескончаемый аппетит. Зло и тьма окутали мир, и Aptrganga забрал всех живых, кроме меня.

– Как это произошло? – на кладбище сошла стужа, и инеем покрылась вся земля. Хильда задрожала.

– Я могла это предотвратить. Могла бы спасти всех...

Женщина бросила бубен на могилу и подняла голову – Хильда оторопела: на неё смотрела она сама. Её лицо было худее и выглядело болезненно, а глаза светились некогда воинским пламенем. Рёв заставил Хильду отвлечься.

– Я – это ты, – сказала Хильда.

– Разве это имеет значение? – грустно спросила другая Хильда. – Мы обе умрём от того, что создали!

– Что ты делаешь? Нет! – другая Хильда закричала громко и отчаянно.

Хильда бросилась вниз, подальше от кладбища, а за её спиной раздался рык и звук разорванной плоти с хрустом костей. Чудище отвлеклось на поедание другой Хильды из этого кошмарного, тёмного мира.

У подножья холма рядом с озером стоял маленький домик. В нём горела одинокая свечка, а пол был пропитан кровью. Хлюпая по полу, Хильда вошла внутрь, взяла свечку и принялась искать хоть какое-то оружие. Перевернув все вед-

ра и глиняные кувшины, она заглянула под кровать и нашла крюк на длинном древке, таким цепляют туши китов. Хоть что-то наподобие орудия. Затушив свечку и встав сбоку от входной двери, она затаила дыхание в ожидании Aptrganga. Страшнее было ждать чудовища, чем встретиться с ним лицом к лицу. Ноги Хильды размякли, и она с трудом стояла. Когда за домом послышались тяжёлые шаги, её начало валить к полу.

Ей в голову сразу пришли воспоминания, как она встрети-лась со здоровенным волком в лесу, он был совершенно один и злобно рычал на Хильду. Этот момент – когда два охотника смотрят на друг друга, встаёт вопрос: кто станет жертвой? Волк скалил зубы, рывкнул, шерсть на загривке встала дыбом. Волк перебирал ногами, ни на секунду не отводя от жертвы взгляда. Свиные глаза уже раздирали напуганную, но всё ещё воинственную Хильду. Она ждала, когда волк бросится, палец её левой руки придерживал стрелу, а три пальца правой крепко сжимали тетиву. Пар валил изо рта, под ногами хрустел снег, сердце замерло в тот же момент, когда волк прыгнул вперед. Опоздай Хильда на секунду – волк бы повалил её и разодрал глотку, но она успела выпустить стрелу прямо в открытую пасть волка. Кровь топила снег, красила его в бордовый. Хильда потянула за стрелу – застряла. Она смогла победить волка, который задрал двух женщин, одного мужчину и пятерых детей. Его выслеживали охотники из трёх разных городов, но только Хильда,

сама того не зная, стала великим охотником, который убил свирепого волка.

Фрея услышала её. Мольба шёпотом унеслась в самый Асгард, и ей откликнулись. Силы приливали к рукам и ногам, сердце замерло в ожидании, тварь ходила вокруг рыбацкого домика и злобно рычала. Бум-бум. Тварь постучала в дверь. На третий удар дверь вылетела, и тьма заполнила дом. Хильда сжала гарпун и приготовилась нанести удар. Тонкая, как кость, рука проскользнула внутрь, а за рукой, пригнувшись, вошло и само чудище. Оно принюхивалось, стучало зубами, грязные волосы свисали с разложившейся головы. Лицо Aptrganga не пугало Хильду – она пробудила всю храбрость в себе. Миг – и она крюком пробивает шею твари. Поднялся вопль, чудище, охваченное паникой, металось от стены к стене. Острые, как секиры, когти задели живот воительницы, теплая кровь устремилась вниз по её ногам. Она застонала, большими глотками хватала воздух, а протяжные завывания чудища становились громче, оно громило всё в надежде вытащить крючковатый гарпун из шеи.

Эта рана убьёт её, думала Хильда, ползя по земле к лодке. Чудище, разогнавшись, попыталось выбежать из домика, но древко гарпуна не дало протиснуться через дверной проём. Aptrganga вопил, рычал, скрёб когтями по дереву, но всё тщетно. Головы поднять он тоже не мог, его взор теперь вечно направлен вниз. Хильда из последних сил вытолкнула лодку в воду, запрыгнула в неё и упала между скамеек. Её

рука была измазана кровью, одежда пропитана ею, тёмный мир начал тускнеть. До её уха и ещё живого сознания доносился невероятно красивый женский голос: «Твой путь не окончен, Хильда Кусачий Меч», – и чья-то тёплая рука прикоснулась к её тяжелой ране. Кровь перестала лить ручьем, боль медленно уходила.

Глаза её разомкнулись, и размыто она увидела прекрасную, светлую женщину в красном платье. Тёмные волосы её были заплетены во множество косичек. Хильда потянула руку к щеке женщины: тепло, бурлящая воинская кровь, любовь, свет. От этих чувств Хильда пришла в себя и нашла себя на том же острове, откуда она начала свой путь, – на жертвенники лежал топор. Раны словно и не бывало, лишь кровавая одежда и раздробленная кольчуга напоминали о том ужасном мире.

Её мать рассказывала о мертвецах, которые пали от болезней или были убиты во сне. Те, которые поссорились с родными и не нашли прощения у близкого, они превращались в Aptrganga, если им не связать ноги и руки, не обрезать ногти и не повернуть головой на юг. Если захоронить человека в ночь дикой охоты или во время праздника, то он обратится в Aptrganga. Убить их может лишь тот, кто одной крови с ними. Хильда знала, что тварь всё ещё жива, и вряд ли это испытание было единственным – когда ей ещё предстоит встретиться с ужасом, который она сама и создала?

– Мертвец заслуживает покоя: отбывает тот в Хельхейм

или ко мне в залы, – Один стоял у жертвенника. – Ты нарушила обычаи захоронения, и теперь тот, кого ты оставила без покоя, бродит между мирами мёртвых и живых, сея ужас. Сея смерть.

– Этот мир, страшный, мрачный, поглощённый нечистой тьмой, – это моих рук дело? – взволнованно спросила Хильда.

– Знаю я многое, и вороны мои, Мунин и Хугин, донесли мне, что родной тебе человек умер, и захоронила его ты без церемонии, без прощания, а что самое отвратительное – умер он в ссоре с тобой. Хьялмар, брат твой – твоя забота. Тебе предстоит вернуть его в мир мёртвых.

– Хьялмар был против моей свадьбы со Скалли, – начала Хильда. – Но в ссоре я с ним не была!

– Вспомни первую ночь со Скаллигримом: там ты найдешь ссору, – Один поднял топор, замахнулся и воткнул его в пень. – Мертвец заслуживает покоя.

Один исчез так же быстро, как и появился. Его вороны летали низко над водой, отдаляясь от острова. Хильда вспомнила ночь, самую первую ночь со Скалли, она ещё была девочкой, с трудом держала меч, но уже имела дух валькирии. Скалли учил её сражаться, как настоящий норман, но Хьялмар был против этого. Он упрекал Хильду, и в один день страсти накалились. Хьялмар сцепился со Скалли, они бились до тех пор, пока Хьялмар уже еле дышал, его нос и челюсть были сломаны, а синяки набухли под глазами. Ослеп-

лённая любовью, Хильда защищала возлюбленного и насладала проклятием на своего брата. Проклятие ссоры, распри между одной кровью.

Три ночи спустя Хьялмар умер в постели. Хильда не плакала над потерей – у неё на носу была свадьба, и смерть брата была очень некстати. Нарушив обычаи, она отнесла его на кладбище и быстро захоронила тело: головой на север, руки и ноги не связаны, а ногти не обрезаны.

– Это Хьялмар, – жалостно, снедаемая стыдом и виной, захлюпала Хильда. – Я обрекла его на чудовищные страдания. Что же я наделала!

Она упала на колени и заплакала. Любовь ослепляет, мы забываем о тех, кто заботится о нас, кто оберегает нас. Любовь опьяняет, и мы теряем из внимания тех, кто воистину важен. Её брат готов был защищать её ценой своей жизни – и она это ценила, но потом пришел Скалли. Брат взрастил её, научил охотиться, но Скалли заполучил сердце Хильды, и всё внимание перешло от Хьялмара к Скалли.

– Когда мы влюблены, мы оставляем других в слезах. Они сидят на лезвии твоей ярости и ревности. – голос Скалли звучал всё так же прекрасно, спокойно.

– Это я виновата, – плакала Хильда от нахлынувших воспоминаний. – Из-за меня он стал Aptrganga! Я виновата! Теперь мне придется убить его и отправить в мир мёртвых!

– Ты сомневаешься в своих силах? – спросил Скалли.

– Это чудище... Хьялмар – оно слишком сильное, – Хиль-

да подняла голову в надежде увидеть своего возлюбленного, но он всё так же говорил у неё в голове. – Мне не справиться!

– Когда Один висел на древе, на вторую ночь он познал ужас. Его разум был охвачен тёмной магией, злыми духами, чудовищами. – Скалли сменил ласковый голос на шёпот. – Познай ужас, не борись с ним. Иногда зло – это мы сами.

– Прошу, будь со мной, когда я вернусь туда! Скалли!

– Я всегда с тобой, – Хильда узнала по его интонации, что он улыбается и говорит это со всем теплом, которое у него есть. – Держи руку на моей голове – и тебе станет легче.

Хильда вытерла нос, подошла к жертвеннику и вытащила топор. Из портала тянулись чёрные нитки. У ужаса есть тело – это тьма. Хильда крепко держала топор левой рукой, а правой прижимала к бедру голову Скалли в холщовом мешочке. Одна нить тьмы коснулась её щеки, и весь кошмар того мира захлестнул её. Она развернулась и в ужасе закричала: страдания Хьялмара в ночь перед смертью обуяли её. «Соберись, Хильда. Надо это закончить», – сказала она про себя и вошла в портал. Нити тьмы удлинились, и когда она вошла, портал погас.

Та же спальня, тот же хруст – всё по новой. Рык доносился от трона, было слышно, как Artgranga пережёвывал мясо, кости, жадно глотая огромными кусками. Хильда вышла из спальни, предметы были с трудом различимы во тьме. Тварь держала в своих лапах человеческую руку и своими остры-

ми, как сакс¹⁰, зубами перегрызала её. Хильда собралась с духом, топор в руке не придавал слишком много уверенности, но она была готова сделать это ради Скалли и ради упокоения брата. Военский дух проснулся в ней, по венам побежал горячий, живящий адреналин, который ей был известен как «воинская кровь».

– Хьялмар! – выкрикнула Хильда и, сжимая топор, напрыгнула руку для удара.

Тварь перестала жевать и своей обезображенной мордой посмотрела на воительницу. Растопырив когти, Artroganga одним прыжком настиг Хильду, она уклонилась, но когти Artroganga почти достали её. Тварь, направляясь к Хильде, рычала и неистово кидала стулья. Взмах левой лапой, но Хильда успела уклониться, открылось бедро твари – и Хильда без промедления нанесла удар. Artroganga завыл, и через непроглядную тьму Хильда увидела его ужасный оскал.

Тварь напала с пущей яростью, нанося удар за ударом, и воительнице было всё сложнее от них уклоняться. Такого она не ожидала, после очередного уклонения Artroganga пнул её своей когтистой ногой в грудь, и Хильда отлетела в стену, выронив топор. В панике она поползла за ним, но тварь наступила на него и злобно зарычала. Разинув свою пасть, Artroganga показал длинный язык из-за зубов и потянулся к

¹⁰ Однолезвийное рубяще-колоущее оружие с отличительной горбатой формой ломаной спинки, длина которого не превышала 30–40 см. Широко использовалось северянами.

Хильде. Чудище чувствовало страх – а он сладок.

– Хьялмар! – закричала Хильда. – Это же ты, я знаю! – Aptrganga замешкался и убрал свой длинный язык. – Ты же знаешь, что это я – Хильда! По моей вине ты стал таким, я тебя сделала таким! – тварь громко зарычала. – Гнев и ярость твою я понимаю – моя это вина. Я раскаиваюсь, Хьялмар! Любовь ослепляет, дарует нам чувство всемогущества. Была я очень глупа, что забыла про свою кровь. Своего брата...

Aptrganga отступил, и топор освободился, Хильда его молниеносно подняла и, втягивая воздух носом, продолжила:

– Ты в ужасной боли и страдаешь ты по моей вине, но я пришла всё исправить!

– Ка-хзх-хк-к! – зарычал Aptrganga.

– Мертвецы заслуживают покоя и правильного упокоения. Я помогу тебе обрести покой, Хьялмар!

В чудище будто пробуждалось человеческое начало. Восставший мертвец хватался лапами за голову и шипел в пол. Длинный язык зажало между зубов, и с него капала слюна. Хильда отошла к выбитым дверям, густая тьма наружного мира легла ей на плечи, и она ощутила весь вес её. Холодная как ночь за полюсом, тяжелая как туша кита, густая как чернила, которыми пишут монахи в королевствах Англии и в королевстве Франков. Чудище стояло неподвижно.

– Хьялмар, – как можно ласковее заговорила Хильда. – Следуй за мной. Я выполню то, что давным-давно должна

была.

Artrganga поднял свою голову и устремил голодный взгляд на воительницу. Она отступала из дома, а тварь за ней. На кладбище должна быть Хильда этого мира, и на кладбище следует убить Хьялмара. Она опустила топор к коленке, решительно посмотрела на Artrganga и что есть мочи побежала к кладбищу. Ноги будто сами знали, куда бежать, они вели Хильду по тому же кровавому ручью вверх по холму, Artrganga не отставал.

Безымянные могилы все разрыта, тела выжраны. Хильда подбежала к своей копии этого мира и схватила её за плечо.

– Что ты делаешь?! – стараясь высвободиться, тёмная Хильда толкала локтем в живот Хильду Кусачий Меч.

– Мы обе желаем упокоить нашего брата. Стой смирно и не рыпайся! – Хильда держала топор у горла другой Хильды.

Тварь, которая когда-то была Хьялмаром, поднялась. Оглушая своим рёвом обеих Хильд, Artrganga приближался к ним. Слюна капала из его рта, острые зубы клацали, когти на ногах зарывались в землю с каждым шагом. Хильда Кусачий Меч толкнула свою худую копию к чудищу, острые когти насадили другую Хильду как мясо на нож. Тварь принялась рвать её, вгрызаться зубами, тёмная Хильда не успела даже издать писка, как была уже мертва.

На мгновение тьма рассеялась, и увидела Хильда черты лица Хьялмара на морде твари, и на шее его всё так же висел Мьельнир, который подарил ему отец. Руки её ослабли,

и, охваченная грустными воспоминаниями, она с жалостью посмотрела на своего брата, который приноровился к человеческой плоти.

Хильда подошла ближе, внесла топор для точного удара по шее и произнесла:

– Мертвецы заслуживают покоя.

Топор лязгнул, шейная кость переломилась, и голова Artganga упала под ноги Хильде – в зубах у него застрял толстый кусок мяса. Это было освобождение.

На протяжении многих лет где-то глубоко в сознании она знала, что её брат терроризирует мир живых и мёртвых. Он так и не достиг Хельхейма и был затерян в туманах и бурях Нифельхейма, забытый и беспокойный. Захоронение приносит умиротворение как для Хильды, так и для Хьялмара. В скором времени этот мир перестанет существовать, но воительница никогда не забудет о своём брате.

Голова Хьялмара лежала макушкой на юг, топором воительница обрубил когти, перерезала сухожилия на пятках и кистях. Сожаления о том, что тогда она не смогла воздать ему достойные почести и отправить его в мир умерших должным образом, не давали ей покоя. Сидя уже у закопанной могилы, вся в грязи, и смотря на блестящее отражение самой себя на топоре, она заревела. Одну руку она положила на мешочек с головой Скалли, и буря внутри неё утихала. Столько боли, столько злобы и печали собрано в этом мире, ей было сложно здесь находиться.

Она спустилась к рыбацкому домику, лодка стояла там же. Хильда подошла к ней и увидела внутри труп. Она обхватила его вокруг груди и вытащила из лодки. Лицо умершего было в запёкшейся крови, длинные светлые волосы, заплетенные в косу, знакомый шрам на шее – это же она! Та Хильда, которая была ранена Aptrganga, восставшим мертвецом.

– Кто мне споет, когда в смертный сон отправит меня? – в лодке сидел мужчина, одетый как норман и говорящий как один из них. – Когда я по пути Хель пойду? А он холоден, так холоден...

– Кто ты? – втягивая носом, спросила Хильда и поднялась с земли.

– Меня звали самым светлейшим из Асов. Я был гордостью и сокровищем моей матери и отца. И свет, который видят люди далеко на севере, назвали в честь меня.

– Бальдур? – Хильда запрыгнула в лодку и посмотрела на прекрасное лицо мёртвого Аса. Даже во тьме его волосы и лицо светятся ярче солнца.

– Мы должны петь для умерших. Спой для своего брата на его пути в Хель – он заслужил этого.

Бальдур спрыгнул с лодки. Серая мгла двигалась в сторону озера, выделяясь в этой густой тьме. Светлейший из Асов посмотрел на Хильду и улыбнулся так тепло и искренне, что в сердце у неё запылал огонь.

– Не дай своему разуму обмануть себя. Не дай сожалениям контролировать себя, ведь дальше – только хуже, – Баль-

дур пнул лодку, и та поплыла по озеру.

Хильда смотрела вслед мгле, которая поглотила домик рыбака, а затем и светлейшего из Асов. Мгла и штормы Нифельхейма стёрли всякое воспоминание о том страшном месте, где был заточён Хьялмар. Она выполнила свой долг и теперь её брат в положенном месте: Хельхейме.

Priðja réttarhöldunum: auðmýkt¹¹

Лодку прибило к острову, новый портал излучал дружелюбный солнечный свет. На жертвеннике лежал великолепный сакс – длинный кинжал. С лезвием, острым, как у секиры, и легким, как перо. Рукоятка обмотана мягкой кожей и плоское навершие вылито из чистого золота. Сакс идеально вошёл в ножны меча. Ей нужно лишь мгновение, чтобы отдышаться и очистить разум для следующего испытания. Держа мешочек в руках, Хильда прижала его ко лбу и тихо прошептала: «Я уже близко, любовь моя».

– Умирает скот, умирают родные, и ты умрёшь в один день, – Один сидел спиной к Хильде на жертвеннике. – Но слово – вот что живёт вечно.

– Я видела Бальдура, – через плечо сказала Хильда.

– Мой сын в Хельхейме, – растягивая слова, сказал Один. – Мой прекрасный сын. Когда его не стало, я спустился к великанше Хель и умолял её вернуть Бальдура назад, на что она сказала: «Пусть каждый житель девяти миров проронит слезу за него – и тогда освобожу я его».

Один встал и достал из кармана своего мешковатого плаща веточку омелы.

– Все плакали. Даже каждый Ётун, кроме одного... – Хильда повернулась и увидела Одина застывшим, со взгля-

¹¹ Испытание третье: смирение.

дом, прикованным к крохотной веточке омелы. – Локи перевоплотился в Ётуна и не стал плакать за сына моего. Тогда угасла всякая надежда на возвращение Бальдура. В гневе я был на Локи и заковал я его в пещере, где лишь тьма, холод и вонь. Мёртвая ведьма предсказала и это. Норны хитро сплели наши судьбы.

– Не ты ли, Всеотец, говорил, что судьбу можно перекроить? – Хильда подошла ближе к Одину, он быстро спрятал веточку омелы.

– С норнами игры опасны, – серьёзно сказал он. – Знаю я много и видал многое, но магия норн могущественна.

– Что меня ждёт в следующем испытании? – спросила Хильда.

– На третий день ко мне пришло смирение. Кровь заливала мне глаза, и видения приходили мне – видения смерти близких мне. Войди – и судьба сама поставит тебя на тропу.

Возможно ли что-то ужаснее, чем мир Нифельхейма? Хильда не желала думать об этом. Оттягивать тоже не стала и с легким дыханием вошла в портал.

Один остался на острове и вновь присел на жертвенник, в руках он крутил веточку омелы.

Хильда очутилась в родных местах, и каждый запах, каждый шорох был ей знаком: она была в лесу рядом с её домом. Словно во сне, она снова видит те же деревья, тот же мох и камни. Даже место появления идентично со сном. Радость от знакомых мест вскружила ей голову, и она помчалась вперед

куда глаза глядят. Она смеялась, падала на землю и целовала её, втягивала носом сладкий и холодный воздух Мидгарда. По дереву вскарабкалась белка, и Хильда почувствовала себя так прекрасно. Чувство эйфории быстро пропало, когда она вышла на опушку, где убили Скаллигрима.

Будто вчера она стояла в том же месте и видела, как её мужа обезглавливают, мочатся на его тело и всячески проклинают. Слезы появились в её глазах, и сдержать она их не могла, молча пустила их.

Раздался человеческий голос, за ним другой, стоны и ругань. Хильда притаилась за деревом и одним глазком выглядывала. На поляну вышли трое мужчин и с ними связанный Скалли. Дыхание её перехватило, сердце упало, ноги подкосились – она переживает это вновь. Мужчины безжалостно избивали Скалли – по животу, лицу, в пах. Они повалили его на землю и усмехались, как он ползет. Называли его червяком, ничтожеством, сыном проститутки и воином без чести. Хильда тогда не могла защитить его, но сейчас она способна на это. Крепко сжимая топор в правой руке, а сакс в левой, она выходит из-за дерева и с угрожающим лицом кричит:

– Эй! Может, вы кого-то равного себе найдёте?! – мужчины встали камнем. Их взгляды бессмысленны, пусты.

– Хильда, это всё твоя вина, – процедил Скалли. – Из-за тебя я не попаду в Вальгаллу.

– Скалли, нет, – жалостно заговорила Хильда. – Я не знала! Я тебя спасу!

Хильда вцепилась в рукояти топора и сакса, выдохнула, спокойствие растеклось по её телу. Мужчины стояли с оружием наготове и всё так же тупо смотрели на воительницу. Хильда ударила первой. Для неё не составило особого труда перерубить глотку первому мужчине с мечом в руке, его тело упало на землю, словно тряпичная кукла. Мужчина с секирой был очень близко, но Хильда была маневренней и смогла воткнуть сакс ему в брюхо, повела вверх, так что все внутренности выпали на землю, и он свалился мягко, как перо.

Последний атаковал её копьем и мечом в другой руке. Хильда никогда ранее не видела такого ведения боя. Ей было сложно предугадать удары, он ловко комбинировала удары копья с мечом, постоянно переходят из ближнего боя в дальний. Хильда отступила, переводя дыхание, смотрела на мужчину: его походка, взор, движения казались неживыми. Тут он скидывает копье и целится прямо в Хильду, она уклоняется, но копье попадает в грудь Скалли, и жизнь моментально покидает его.

– Нет! – кричит в гневе Хильда и со всей мощью и обидой бросается на мужчину.

Ловким ударом, воительница выбила меч. Мужчина стоял прямо, готовый принять смерть. Хильда раскрошило ему колено топором. Упал на целое. Сакс вгрызся в шею мужчины, она с ненавистью посмотрела и пнула ногой в грудь. Тело рухнуло. Скрежет, будто кто-то волочит грудку металла по гальке, заставил мир затрястись. Раз, всё замолкло и...

– Что? – Хильда опять на том же месте в лесу, всё живое и зелёное.

Она бежала к поляне, по другую сторону доносились человеческие голоса. Более не будет она ждать и бежит голосам навстречу. Мужчины остановились, когда увидели Хильду с саксом и топором в руках. Скалли не поднял свою голову. Земля чернела, солнечный свет сменялся лунным, и мужчины превратились в ужасных воинов из сгнившей плоти и костей, со сгнившими внутренностями. Други.

– Вы не из этого мира! Кто вас послал?! – спросила Хильда.

– Это всё из-за тебя, – заговорил Скалли. – Из-за тебя я не попаду в Вальгаллу.

– Скалли, я тебя спасу! В этот раз точно!

Хильда начала танец меча и топора. Она сражалась достойно, но её удары не наносили урона драугам. Самый высокий из драугов схватил её за шею и откинул в сторону. Они подтащили Скалли на место, куда падал бледный лунный свет. Хильда откашлялась от удушающего хвата и бросилась вновь на защиту своего мужа.

Её топор застрял в кости друга с копьём и мечом, он сжал её руку и едва не переломал кости живой Хильде. Тяжёлый удар рукоятки меча оглушает Хильду и она падает на землю. Перед её глазами драуги пинают, режут и протыкают Скалли. Он кричит в страшной боли. Она должна встать, должна помочь, она может победить! В глазах двоится, и голова

трещит, шатаясь, она бросается вперед и встает над Скалли, беспорядочно махая оружием.

– Вам не забрать его у меня! – крикнула Хильда.

Драуги атаковали по одному, будто глумясь над ней. Ей удалось переломить кость одного из драугов на ноге, и мертвец свалился на землю. Это воодушевило её, и она продолжила биться. Но драуги перестали нападать, они лишь защищались, выматывая воительницу, пока она не упала на землю без сил, еле дыша и с чувством проигрыша – эту битву ей не выиграть. Мертвецы прикончили Скалли, обезглавили тело и насадили голову на копье. Хильда не могла смотреть на это.

– Я не могу... Не могу победить. Я не смогла тебя спасти тогда – и сейчас не смогу, любовь моя. Прости меня, – Хильда заплакала, но слезами смирения, что прошлое, которое она так мечтала изменить, неизменно.

Драуги стояли у копья и смотрели, как жалко ползёт Хильда. Она поднялась и посмотрела в закатившиеся глаза Скаллигрима. Опустила его веки, её губы прижались к его холодному лбу, и тёплые слёзы упали на его щёки.

– Прости меня, Скалли, – держа ладонь на его щеке, говорила Хильда. – Отпустить я должна этот день, когда вся моя жизнь закончилась и потеряла смысл. Прошрое под властью Урд, оно с ней и останется.

Она закрыла глаза, с сердца упал камень, и внутри загорелось пламя с новой силой, новые надежды придали ей сил.

Всё это время она не могла отпустить своей вины за смерть единственного, кого она любила, но теперь смогла. Человек легко привязывается, чувства захлёстывают, сердце бьётся в упоении, и горячая кровь бежит по венам. Жизнь обретает краски, ощущения от неё становятся слаще, но когда мы теряем кого-то нам столь близкого – наш рассудок разбивается на сотни тысяч осколков, раня нас самих и других. Хильда оставила многих с разбитыми сердцами, униженными, мёртвыми, лишь из-за того, что не смогла себя простить.

Когда она открыла глаза, друзей уже не было, а копье, на котором сидела голова Скалли, было увешано цветами. Подул ветер, и пёстрые цветки закружились к небесам, их уносило так высоко, что Хильда больше не могла их видеть. Вниз по лесу текла стремительная река, а к берегу была прибита лодка. Известно ей, куда течёт река, поэтому она толкает лодку в поток и прыгает на неё. Есть время расслабиться, отпустить тяжёлые мысли и подготовить себя к следующему испытанию.

Fjórða réttarhöldunum: visku¹²

На острове её ожидал Один. Хильда сошла с лодки и посмотрела одноглазому богу в глаз, который излучал неизмеримую мудрость. Он указал ей на жертвенник, на котором

¹² Испытание четвёртое: мудрость.

стояла деревянная миска с густой кровью. Хугин, тёмный крупный ворон, сел на плечо Одина, закаркал, а Один шептал ему что-то в ответ.

– Смирение – это как мазь из трав для паршивой раны, – сказал Один.

– Под моим ударом погибло столько людей... – печально заговорила Хильда. – Я думала, что найду виновных и тогда заглушу свою собственную вину, но это же не так работает.

– Печаль творит страшное с людьми, – Один подошёл к миске и опустил два пальца в неё. Кровь капала вниз, создавая лёгкую рябь. Одно его движение – и на лбу Хильды вырисовалась руна.

– Но я знаю, что, освободив Скалли, я обрету истинный покой.

– Возможно, – бог висельников загадочно осклабился. – Твой путь не окончен, и ещё пять испытаний впереди. Любой бой – это проверка твоей мудрости и смекалки. Нет лучшего соратника, как мудрость. Человеку нужна мудрость, если он задумал путешествовать. Дома жизнь легка, но будет он посмешищем, сидя в кругу мудрых людей, если сказать ему будет нечего. Мудрец не хвастается своей мудростью – он её трепетно охраняет. Он молчалив, когда заходит в дом незнакомца. Мудрец редко лезет на рожон, ведь нет вернее компаньона, чем хороший увесистый мешочек мудрости.

Хильда встряхнула плечами, хрустнула костяшками пальцев и направилась к порталу. Из него дуло холодом, опасно-

стью. Хильда вошла. Портал захлопнулся. К Всеотцу на плечо сел Мунин и, пощёлкав клювом, взмыл к серому небосводу.

Снежная буря застала воительницу врасплох, ноги увязли в снегу. Пальцы быстро перестали шевелиться, и губы покрылись инеем. Она обняла себя и, с трудом перебирая ногами, направилась вперед. Пройдя достаточно, чтобы окоченеть насмерть, она заметила вдали соломенные крыши. Из последних сил Хильде удалось дойти до деревни, которая выглядела опустелой, практически заброшенной. От дома к дому она ходила и стучала в двери в надежде, что кто-то откроет. Холод сковывал её тело, и она упала ничком в снег. Но это не мог быть её конец. Некто достаточно крепкий схватил её за плечи и вскинул на себя.

Тепло обволакивало её тело, и каждый палец на руке и ноге, каждый сантиметр кожи начинал гореть.

Перед ней стояла семья из мужа и жены, трех детей и ещё одного мужчины, который презрительно посматривал на неё. Дети любопытно глядели на Хильду, как на диковинного зверька. Она скромно улыбнулась и, восстановив дыхание, сказала:

– Спасибо вам! – по щекам Хильды разлился румянец.

– Как ты очутилась на таком морозе снаружи? – спросил муж. Руки его были заскорузлые, борода выглядела неопрятной, туника на нем была потёрта, а сапоги уже разваливались.

– Я... – Хильда задумалась. – Я сама не знаю. Не хочу доставлять вам неудобств. Уйду, как только буря утихнет.

– Не утихнет она, – с раздражением фыркнул мужчина за столом. Хильда смолчала.

– Мой брат прав, – вздохнула жена. У неё был волевой подбородок, крупная челюсть и рабочие руки. Семья крестьян. – Меня зовут Крака, а это мой муж Тюффир. Брата моего зовут...

Но тот грубо перебил:

– Не сообщай ей моего имени. Кто её знает, что за человек она и кто она вообще такая.

– Мы помогаем людям в бурю, – серьёзно сказал Тюффир. – Она наш гость, и запасов у нас хватит.

– Ни в коем случае, – возразила Хильда. – Мне правда не хочется вас обременять.

– Как тебя зовут? – спросила Крака.

– Хильда.

Брат Краки встал:

– Она не местная! Шлите её прочь! Ты сам знаешь, Тюффир, что буря успокоится лишь через три луны.

Тюффир и брат Краки вступили в спор, а тот перерос в нападки и угрозы. Дети сели рядом с Хильдой и озорно смотрели на неё. Самая младшая устроилась у плеча своего брата, который выглядел на десять зим, а брат постарше сел ногой к ноге с Хильдой.

– Они постоянно так ругаются, – сказал старший. – Меня

зовут Торскильд, сестру Эйвор, а брата Друт.

– У вашего дяди особое отношение к странникам, – Хильда улыбалась, а ей улыбались в ответ.

– Прошлой зимой к нам постучался потерянный путник, отец его впустил. Сейдрик предупреждал отца, что он нехороший человек, но у нашего отца доброе сердце.

– Странник что-то своровал? – спросила Хильда.

– Нет, – задумчиво сказал Торскильд. – Ночью он пытался изнасиловать нашу мать, вот отец и выгнал его в самую бурю. Весной нашли его тело в густой траве, всё сгнившее, сине-зелёное.

– Странник нарушил закон гостеприимства, вот он и заплатился за это.

– А ты когда-нибудь убивала? – спросила Эйвор. Её глазки сверкали, как опалы.

– Я воительница, – гордо заявила Хильда. – Я прошла через много боёв, даже убила одного короля!

– А расскажешь? – возбуждись от интереса, Друт запрыгал на скамье.

– Может быть, если ваши родные наладят мир.

Но мир не скоро образовался в этом доме. Спор был жаркий и перешел на личности. Сейдрик называл Тюффира слабым, не способным защитить семью, слишком мягкосердечным и без чувства приоритетов. Тюффир был строго убежден в своих догмах и атаковал Сейдрика своими аргументами. Хильда устала от брани и решила положить этому конец.

Она попросила Краку усадить мужчин за стол, дать им выпить и ни в коем случае не вступать в диалог и не принимать ничью сторону.

Тюффир расправлял свою бороду пальцами, а Сейдрик кисло улыбался детям, которые доставали его своими вопросами. Хильда села во главе стола, сложила руки замочком и внимательно посмотрела на спорящих.

– Сора в доме – ненастий час. Вашим спорам должно положить конец. Вам нужно сойтись на чём-то едином, что сплотит вас. Тюффир, почему бы тебе не высказать своё мнение?

– Ещё мой отец наставлял меня быть вежливым и услужливым к странникам. Мы живём в суровых краях, и зимы здесь лютые: волки и стужа губят десятками. Когда я женился на Краке, боязно было принимать незнакомцев. Многих я прогнал в страхе ревности, и все они сгнули, а весной мы их находили. Меня грызла совесть, и я обратился к богам! Всеотец – он странник и часто путешествует. Тогда родилась Эйвор, была её первая зима, в дверь постучал мужчина – это был Один!

– Опять ты про Одина! – перебил Сейдрик. – Тебе мозги отморозило, не было тут Одина! Думаешь, Всеотец бы спустился к тебе?!

– Это был он! – Тюффир стукнул ладонью по столу.

– Сейдрик, – Хильда была спокойной. – У тебя есть иная версия, и мы её выслушаем, но Тюффир должен закончить

свой рассказ.

– Да, – шмыгнув, Тюффир продолжил: – Странник с одним глазом, седой бородой, не стар и не молод. Высокие речи, тихий, скромный, что ни слово – то мудрость. Он видел, как я на него пялюсь с недоверием, и тогда он подошел ко мне. Для нас, северян и каждого норманна, гостеприимство – это святое! Всеотец открыл мне глаза и забрал страх. Каждый гость в моём доме уважаем и заслуживает достойного обращения. Так мне велел Один.

– Мы слышали тебя, Тюффир. – Хильда повернулась к брату Краки. – Сейдрик?

– Я был тогда дома, – начал лысый Сейдрик. – И видел я этого странника: было у него два глаза, и волосы у него были седые, как у любого старика. Ты сама видела его, Крака!

Крака хотела ответить, но Хильда выставила ладонь вперёд:

– Спор между вами, и Крака вам не помощник. Вы должны решить всё сами.

– Не нужно нам ничего решать! Ты впустил эту женщину сюда, и она строит из себя ярла! Судит нас!

– Сядь, Сейдрик, – настоятельно рекомендовал Тюффир.

– Мы еле-еле концы с концами сводим! Сейчас она говорит, что есть не будет, а ночью сворует запасы – и пропали мы!

– Сейдрик, если у тебя ссора со мной, то обращай ко мне, – Хильда встала и строго посмотрела на взбеленивше-

гося брата Краки.

– Я не доверяю тебе! Перед твоим появлением небо горело красным, и во сне видел я тебя! Убирайся прочь!

Тюффир не выдержал и, обойдя стол, схватил Сейдрика за плечи и кинул его на пол. Крака бросилась к мужу в надежде успокоить, но он ей пригрозил пальцем. Хильда вздохнула в ожидании мордобоя. Дети затихли на скамье.

– Что, теперь своих за чужаков бить будешь? – язвил Сейдрик.

– Не испытывай меня! В моём доме я хозяин и я решаю, кого прогнать, а кого оставить! – Тюффир покраснел от кипящей злости.

Сейдрик встал, выпятил грудь, сжал кулак, Хильда могла бы его остановить, но что-то удержало её. Тяжёлый удар Сейдрика выбил зуб Тюффира, и началась бойня. Дети спрятались в углу, старший, Торскильд стоял перед ними, раскинув руки, как живой щит. Столько отваги и ответственности было в этом юноше, что Хильда вспомнила Скалли, когда они познакомились, будучи ещё девушкой и юношей. Тюффир хоть и был крупнее Сейдрика, но тот был проворнее и наносил гадкие удары в печень. Тюффир скрючился от боли и больше не мог встать. Крака подошла к Сейдрику и вlepила ему пощёчину. Бой окончился.

Жена ухаживала за мужем, дети шёпотом обсуждали случившееся, а Хильда стояла в углу и смотрела на Сейдрика, на его завистливый взгляд, с какой обидой он наблюдает, как

сестра ухаживает за мужем, а ему даже не поднесла воды с тряпкой. Он самостоятельно вытирал кровь жестким обрывком холщовой ткани с костяшек пальцев и лица, прополаскивал рот и сплёвывал в пустое ведро. Хильда положила руку на мешочек у себя на поясе и подсел к Сейдрику.

– Чего тебе надо? – в его голосе не было обиды на неё, лишь на самого себя.

– Вижу я, как ты смотришь на сестру: ты ревнуешь.

– Она всегда заботилась обо мне. Залечивала раны и поддерживала, а теперь вертится вокруг него.

– Братья часто привязываются к своим сёстрам и видят от них заботу, которую некогда дарила мать. И хотел бы ты обладать сестрой, но не твоя она собственность, и её собственную жизнь сплели норны. Отпускать сложно и порой невозможно. Но задумайся: ты хочешь видеть её счастливой и полной сил, желая жить?

– Хочу конечно, – голос Сейдрика звучал грустно и подавленно. – Мне так стыдно за содеянное. Как я восстановлю доверие сестры и семьи? Даже дети на меня не смотрят.

– Синяки и раны заживают. Откровенным должен быть ты с теми, кого любишь. Сестра не перестанет быть твоей сестрой, если ты ей скажешь, что ревнуешь её. Важно доказать, что ты раскаиваешься и готов к изменениям, – Хильда встала и улыбнулась краем губ. – Норны сплели начало и конец, добро и зло, но *сейчас* мы творим сами.

– Ты права, Хильда, – Сейдрик был воодушевлён. – Про-

сти, что мои эмоции обрушились на тебя. Я не держу на тебя зла или обиды.

– Мне известно, к чему могут привести эмоции. Не вини себя за это, ведь мы все совершаем ошибки. Прощение и помилование можно найти даже от короля, а от себя сложнее. Прости себя в первую очередь – и на сердце станет легче.

– Я так и поступлю, – уверенно сказал Сейдрик и пошел говорить с Кракой.

Хильда сидела с детьми и рассказывала им истории боёв, как она убила одного из конунгов, как преодолела Северное море в одиночку, и о своих многих приключениях. Дети хлопали глазами и впитывали всё сказанное, как губки.

Крака крепко обняла своего брата, и на её глазах проступили слёзы. Внутри Хильда чувствовала, что её приход сюда был неспроста – он был задуман Отцом павших. Ей удалось установить равновесие в семье, за что Крака и всё такой же добрый Тюффир её благодарили. Но больше всех её благодарил Сейдрик. Дети с трудом отпустили воительницу. Долго махали, провожая её на третью луну, когда буря утихла.

Тёплые воспоминания укутали Хильду и согревали её зимней ночью, когда она шла до буйной реки, которая не замерзает зимой. Ей не удалось построить такой большой семьи со Скалли, и её мучила зависть, но с другой стороны, ей стало легче, что она смогла сохранить хотя бы эту семью.

С высокой заваленной снегом и заросшей ёлками горы текла могучая река. Хильда опустила руку в кристальную во-

ду и смаковала её долго – свежий и чистый вкус оживил её. Пока было время, можно было насладиться природой, покоем и беззаботностью. Река сужалась, и когда пороги стали реже, на её пути встретила лодка. Коричневая, уже знакомая лодка с одним веслом и двумя скамейками. Хильду несло по течению, она смотрела на небо, грезя об утерянных мечтах со Скалли.

Лодка вышла в спокойные воды, и Хильду укачало в сон. А она всё плыла и плыла – лодка сама знала путь.

Fimmta réttarhöldunum: reiði¹³

Погода изменилась, и светлое небо стало чёрным, цвета сажи. Вода была беспокойна, и лодку жёстко прибило к острову. На жертвеннике сидел ворон Мунин и чревовещал. По его перьям расплзались бежевые линии и связывались на спине в руну Мадр.

– Хильда, дочь Харальда, – склоняя голову то влево, то вправо, говорил ворон. – Смогла ты принести мир в дом своей мудростью и вниманием. Отец павших ожидал, что ты справишься.

– А где он сам? – спросила Хильда.

Ворон каркнул:

– Локи набедокурил вновь, и Седобородый отправился в

¹³ Испытание пятое: ярость.

Асгард.

– Что меня ждёт дальше?

– Я и Хугин сопроводим тебя, – Мунин захлопал крыльями. – Ярость! Ярость!

Ворон вспорхнул и воссоединился со своим товарищем в небе. Портал излучал пурпурный цвет, и исходили оттуда звуки бойни. Мунин и Хугин спикировали и залетели в портал. Хильда поколебалась, но всё же вошла.

Такой битвы она ещё никогда не видела: тысячи трупов, стоны, крики, звон и лязг. Расколотые щиты лежат на земле, трупы и умирающие лежали одним ковром, что ни травы, ни камушка не видать. Хильда шла по телам, которые ещё дышат и издают предсмертные стоны. Под её ногой хрустят чьи-то сломанные шеи и хребты. Два ворона Одина, как ветер, проносятся между воинов, хищно каркая, готовясь к пиру.

Воин с копьём разгоняется и пронзает мечника, кровоточащая туша взмывает в воздух, и рекой кровь стекает по древку копья на руки копейщика. Он орёт, воеет, рычит, – животный оскал, глаза опьяневшего от крови медведя, дыхание разгневанного лося. Тело, как мясо на шпажке, соскальзывает на наконечник, и копейщик ногой сталкивает труп.

Воин с секирой вгрызается в щит воина, пинает его ногой и сокрушительным ударом отрубает ногу. Вопль поднимается в воздух. Одного удара ему достаточно, чтобы убить каждого на этом поле боя. Его секира раскусывает кольчугу и разрезает плоть, словно по воде водит. Смерть приходит с

неба: стрела пробивает череп воина с секирой и тот замертво падает на груду трупов. Мунин и Хугин садятся на только что павшее тело и принимают его клевать.

Хильде дурно, её одолевает страх, отчаяние. Запах крови заставляет её голову кружиться, тёплый пар от тел и крови окутывает ноги. В глазах каждый удар меча, топора, копья сверкает как вспышка, яркие звезды, что загораются и тут же гаснут, уступая место более крупным вспышкам. Это магия войны. Ярость бушует между скрещенными мечами, раздробленным щитом, разрезанной плотью и пробитым черепом. Кровь, что течёт под горами трупов, – это ярость.

Хильда идёт по трупам, которые она сама и выложила за свою жизнь воительницы. Клича Тюра и Тора, Одина и Фрею, Фрейра и Фригг, Сифф и Ньёрдра. Посвящая каждое своё убийство всем Асам, всем Ванирам. Ярость, что она сеяла на поле битвы, – несгораема, вечна. И вот она уже слышит свой собственный вопль в каждом лязге, в каждом соприкосновении оружия.

– Хватит! – в отчаянии крикнула Хильда. Бойня продолжалась. – Я сказала, хватит! – Крикнула Хильда ещё громче, и воины застыли на месте.

– Человеческая натура состоит из ярости, – Мунин сел на плечо Хильды и говорил ей прямо в мозг. – Человек порождает любовь, страх, ярость, неуверенность – и это всё реализуется в Нифельхейме.

– Это мир мглы и тьмы? – озадаченно спросила Хильда.

– Да, – Хугин приземлился на другое плечо Хильды. – Ты породила множество теней в этом мире.

– Теней? – переспросила Хильда.

– Человек отбрасывает тень не только от солнца, но и от своих поступков, привычек и характера, – говорил Хугин.

– Но я поборола в себе ярость! Эту воинскую жадность крови! – и трупы под её ногами зашевелились.

– Поборола, – передразнил Мунин и засмеялся долгими, протяжными *кар-кар*. – Натура твоя жива и питает тень Нифельхейма.

Хильду схватил за ногу труп, за ним другой, и они принялись её валить. Она топталась, пинала их, но всё больше рук вылезало и хватало её.

– Ты никогда не смоешь своего естества – человеческого естества, – и Мунин взмыл вверх.

– Это всё проделки Одина! Он пытается меня сломать! Его натура пропитана яростью, и сам он ярость! Но я никогда не стану частью его гнилого естества!

– Тогда мгла Нифельхейма поглотит тебя, Хильда, дочь Харальда, – Хугин каркнул и тоже улетел прочь.

Хильда выбилась из рук мертвецов и побежала вперед, неважно куда – главное, подальше отсюда. Но выхода из тени не было. Она бежала и бежала, но вереница воинов всё тянулась, а земля из трупов не заканчивалась. Зацикленность – одна из черт мира мглы, теней, холода и пустоты. В голове звучали голоса. Они звучат громко, вгрызаются в самые глу-

бокие части мозга. Каждый голос холоден как лёд, стрекочет как костер, а некоторые звучат как шипение раскалённого металла, когда его окунают в масло. Хильда не выдерживает и падает на колени.

Руки мертвецов медленно тянутся к ней. Удручающие взгляды воинов давят на неё, и она так хочет от них скрыться. Рука трогает её ногу, и она рубит её топором, за ней вторую, третью, она обрубает каждую тянущуюся к ней руку. В ней закипает гнев, она встает и принимается рубить воинов. Свирепыми, самыми жестокими ударами она валит их одного за другим. Обезумевшая от крови, она не чувствует границы, всё становится бессмысленным, никчёмным. Её топор и сакс легко вспарывают брюхи, глотки; кровь льёт фонтаном, поливает Хильду. Да, вкус крови на губах, она заливает глаза: теплая и солёная. Она улыбается широко, довольно, смех её истерический, на грани радости, удовольствия и ужасной горести, трагический. Кровь уже просто хлещет отовсюду. Она закрывает глаза.

Вся в крови, с дрожащими руками, Хильда оказывается на острове, где не дует ветер, где небо вновь белое и вода покрыта лёгкой рябью.

– Ты знал, – сдерживая слёзы, заговорила Хильда. – Знал, что я сломаюсь. Не хочешь признавать, что твоё естество ужасно, да?

– Задачи не было у меня сломать тебя, – спокойно ответил Всеотец. – Ты отрицала саму себя, свои силы. Этого испыта-

ния раньше не было, оно само избрало тебя, и Нифельхейм воззвал тебя не просто так.

– Твои речи, – Хильда взбесилась. – Они напыщенны! Говоришь загадками, которые не имеют под собой смысла! Может, ты и Всеотец и мудрее тебя нет, но ты однозначно узколобый, не способный видеть дальше собственного носа! Я поборола ярость внутри себя ради спасения своего мужа, а ты...

– Остров сам выбирает испытания, и моих рук тут нет, Хильда Кусачий Меч. Зачем отрицать что-то, что даёт тебе столько сил? Если намерена ты побороть отряды Хель и спасти Скаллигрима, то ты должна искать силы в том, что их даёт. Любишь ты кровь, её запах и вкус, и слаще неё нет ничего. У тебя дух Ульфхеднара, как у Скаллигрима.

– Пути назад уже нет, – всхлипнула Хильда. – Кровь и впрямь меня опьянила. Я готова к тому, что будет дальше.

– Тогда подходи к порталу, – Один указал рукой на него и посмотрел на воительницу из-под капюшона.

Скалли понял бы её. Он бы не судил её, а лишь обнял, сказав, что принимает её такой, какая она есть. Хильда тешила себя этой мыслью, но легче почему-то не становилось. Надо освободить голову, дать пространство для мыслей. Хильда, дочь Харальда, Кусачий Меч делает глубокий вдох и протяжный выдох. Она скрывается в портале. Мунин и Хугин садятся на плечи Одина и довольно каркают.

Sjötta réttarhöldunum: Valravnn¹⁴

Хильда стояла в ложбине посреди леса. Земля была вся промёрзшая, твёрдая как камень, от неё пахло серой и чем-то знакомым, но вспомнить не удавалось... Чеснок? Деревья были одной высоты, тёмными тенями они стояли, словно сторевшие до углей, и как по венам, между сторевшей коры бежал красный свет. Он пульсировал, становился то ярче, а то и вовсе блек. Пахло тлеющей листвой, и над деревьями вздымался дым.

Хильда вышла из портала. От природы ей стало не по себе. Будто кожа вспомнила мир ужаса и невыносимо тяжёлой тьмы. Живот крутило от страха и постоянного беспокойства, было ощущение, что сотни глаз смотрят на неё с деревьев и откуда-то из тьмы. Красные дышащие вены деревьев освещали лес на мгновение, и всё погружалось во мрак. И пусть длилась тьма ничуть не дольше моргания человека, но ощущалась она вечностью. Даже топор и сакс в руке не придавали защищённости. Лишь ты и мистический лес, полный неизвестности.

Ей на глаза попался старый сарай посреди леса, вокруг нет ни души, домов не видно. Дверь у сарая отсутствовала, стены и пол сгнили, крышу перекосило, а прямо напротив двер-

¹⁴ Испытание шестое: Вальравен.

ного проёма был прибит полуразложившийся труп. Кожа на черепе полностью сгнила, мышцы ещё догнивали, челюсть обвисла. Грудь была облачена в заржавевшую кольчугу, брюхо пробито вилами, которые и приковали его к стене. Лишь мгновение спустя в нос ей ударил несносный смрад разложения. Хильда закашлялась и зажала нос. Запах был настолько резкий, что из глаз пошли слёзы и живот выворачивало наружу, он так и желал выпрыгнуть через рот от такого смрада.

Она бы никогда не подумала, что хруст веток может быть столь зловещ. Словно она была одна в самом центре моря, где пучина таит страшное и неизвестное. Воительница стоит между деревьями, которые выглядят и пульсируют одинаково. Единственное её укрытие – это сарай, но даже на грани смерти она не побежит туда. Хруст раздался за её спиной, она развернулась, испуганными глазами рыская по тьме в поисках источника звуков. Силуэт пронёсся между деревьев. Карканье десятка воронов разлетелось по лесу. Мурашки пробежали по телу Хильды, и волосы встали дыбом даже на голове. Её некогда прекрасные волосы выглядели удручающе: грязь, кровь, пепел образовали новый цвет, заменив её прекрасный золотистый на багрово-чёрный.

Вот оно то, что ускользнуло у неё прямо из-под носа. Это был высокий силуэт, чёрный, с бледной кожей. Дыхание оборвалось, когда ей всё же удалось встретить это *нечто* своими глазами. Он был высотой в три с половиной локтя, с бесформенным лицом, на котором с трудом читались некогда

человеческие рот и нос. Худые бледные руки и ноги, голый торс, лишь куски драной чёрной ткани покрывали плечи и голову, создавая подобие капюшона. В одной руке чудище держало секиру, а в другой меч. Хильду сковал ужас. Она видела в этом безобразии знакомы черты, и будто взгляд чудища был ей знаком и пробивался в самую глубь сознания, пробуждая давно забытые воспоминания. То, чем она некогда хвалилась, стояло прямо перед ней в своей самой омерзительной форме.

Чудище воткнуло меч в землю и скинуло капюшон, на лице засверкали вспышки, мелкие-мелкие, и из неоткуда появился череп ворона. Длинный, белый, с горящими глазницами. Ужас охватил Хильду, как огонь охватывает сухой хвост. Слово «чудище» слабо подходило для описания этого. *Нечто* подняло меч и в три шага подошло вплотную в Хильде.

– Хорошо, что ты узнала меня, – хрипело *нечто*, словно в глотке у него застряла кость. – Любишься своим детищем, Кусачий Меч! Ты была так горда собой, не так ли?

Хильда молчала. Страх миновал и не сковал её. Её кровь закипала. Чёрная слизь капала с *нечто*, а соприкасаясь с землей – прожигала её.

– Ты застала меня врасплох, с лёгкостью убила моих ребят, а затем и меня. Оставила меня на поляне на корм воронам, ты думала, что я не вернусь? – Хильда ничего не ответила. – Молчишь? Даже глаза боишься поднять на то, что

сама сотворила. Сегодня уйдёт только один из нас, Хильда, дочь Харальда, жена Скаллигрима Волчей Шкуры.

Хильда не страшилась поднять глаза и увидеть ею сотворённое исчадие, нет – она набиралась сил. *Нечто* присело и упёрлось своим клювом ей прямо в лоб, она чувствовала, насколько тот острый, кровь побежала по её переносице вниз по щеке и на землю.

– Давай же, посмотри на меня, – настаивало *нечто*. – Подними свои лицемерные, трусливые глаза и встреть то, что сама сотворила, Хильда Кусачий Меч!

Хильда заорала в гнев. Её удар топором откинул *нечто* – из его раны сочилась чёрная слизь. Бой начался, деревья разрушались, рассыпались в пепел и пыль. Пульсация учащалась, становилось всё ярче, и она отчётливо видела, что стоит перед ней Вальравен.

Хильда выглядела ничтожно по сравнению со своим противником, который не подпускал её близко. Ей приходилось уклоняться и уворачиваться, меч и секира свистели у её носа, плеча, ноги. Удача – ей удалось заблокировать удар меча и проскользнуть под ногами Вальравена. Своим саксом она пробила коленку *нечто*, но не успела вытащить свой клинок – тяжелый, как от дубины, удар откинул Хильду на другой конец поля битвы. Вальравен пытался встать, но огромной туше было сложно устоять на костлявой ноге. Удар был слишком сильный, в глазах то и дело мерцали вспышки – красные, жёлтые, зелёные.

– Ты смогла, – прозвучал голос Скалли, который она так давно не слышала. – Тебе осталось добить его. Заверши начатое.

Хильда встала. Ноги запутались. Упала. Снова поднялась. Вальравен стоял на одной ноге и при попытке взмаха секирой рухнул на землю. Хильда всем телом замахнулась и обрубилась руку Вальравена, которая тянулась к секире. Но противник не собирался сдаваться так просто. Своими длинными пальцами он схватил Хильду за предплечье и повалил её, холодная земля вздрогнула. Вальравен поднял голову над лицом Хильды, слюнь упала ей прямо на губы, но вреда не причинила. Своим клювом он пробил плечо Хильды, та закричала от боли, которая прошла по всему телу. Её же кровь капала её лицо, Вальравен сардонически засмеялся.

– Спусти столько лет скитаний во тьме, в мечтах о мести... Ты сама приходишь ко мне в лапы. Грязная, уставшая, полная печали. Тешишь себя надеждами о спасении Скаллигрима? Знай же: он вечно будет гнить в Хельхейме, и воспоминания о нём сотрутся в каждом мире.

– Меч, – сказал Скалли в голове Хильды.

У неё под рукой действительно лежал меч. Она схватила его и пронзила грудную клетку Вальравена. Он засипел, захрипел, издал бульканье и пал. Хильда поднялась над ним, тело ещё шевелится. Топор вновь крепко держится у неё в руке, в этот раз она не потеряет хватки.

– Ты сам наслал на себя это проклятие, – речь Хильды

была уверенна. – Даже со второй жизнью, но я победила тебя. И если надо будет – то и в третий раз я оставлю тебя на корм воронам.

– Скаллигрим знал, – кашляло знакомое *нечто*. – Он знал, что день придёт. Я знал, что погибелью моей станет женщина, что носит месть на сердце за смерть волка. Воронов я видел, что клюют мой труп... Холодный, белый – настоящий пир для пернатых. Однажды конунг для людей, теперь конунг для воронов. Что дальше, Хильда Кусачий Меч?

– Ты будешь забыт, как и всякое воспоминание о тебе. Твои правнуки не стану слагать о тебе слово, твои родные давно не оплакивают твою погибель, а твоё имя стало не больше чем тенью во мгле Нифельхейма.

– Значит, забвение ждёт меня, – голос Вальравена становился всё человечнее.

– И пустота, – дополнила Хильда и отрубила голову *нечто*. Чёрная слизь брызнула из дырки в шее пару раз и перестала. Она вытащила сакс из коленки Вальравена, посмотрела ещё раз на его тело и с каменным лицом ушла в глубь леса. Деревья светились одной прямой полосой, указывая путь. Лес закончился, и она вышла на пустой фьорд, где одиноко стояла лодка. Она знала, что делать.

Сjöунда рёттарhöлдунум: sköpun og óreiðu¹⁵

Один неоднозначно смотрел на воительницу. Ей лишь оставалось раскинуть руки и пожать плечами. Мунин и Хугин сели на плечи Одина – почему они выглядят такими довольными?

– Гуннар, сын Сигурда не заслуживал даже места в Хельхейме? – спросил Всеотец.

– Его имя будет носиться во мгле мира льдов и тьмы – забытое и ненужное.

– Гордилась ты так его убийством, – продолжил Один. – Но думала ли ты, когда оставляла его на корм моим воронам?

– Нет, – кратко ответила Хильда и подошла к порталу.

– Он совершил акт бесчестия твоего мужа, а ты обеспечила его дважды.

– Он заслужил оба раза, – ответила Хильда.

– А где лежит твоя честь? – вопрос Одина заставил Хильду сжать губы.

– Она у меня в руке, – тряхнув топором, ответила Хильда.

– Истина ли льётся из твоих уст, дочь Харальда? – Один стоял прямо за спиной, так что она могла чувствовать его тёплое дыхание.

– Что меня ждёт дальше? – сменив тему, Хильда развер-

¹⁵ Испытание седьмое: сотворение и хаос.

нула к Всеотцу.

– Моему взору недоступно, что ждёт тебя дальше. Мои вороны не могут достичь того места.

– Что же там тогда? – Хильда смотрела в разлом портала, который не излучал никакого света.

– Узнаешь лишь ты, ступив туда, – ответил Один и рассыпался на перья.

Мунин и Хугин кружили над островом.

Хильда вошла внутрь. Её тут же охватило чувство чего-то отдалённо знакомого, давно утерянного. Она стояла на ледяном поле, где вместо травы лёд и камни; где ветры завывали и носили крошки льда. Не было ни неба, ни солнца, ни луны. Горы, скованные льдом, заточил ветер, который кружил искры мира огня. Безжизненная картина. Огонь Мюспельхейма столкнулся со льдами Нифельхейма. Пар, шипение, жар выковывали гиганта Имира, его туловище, руки, ноги, голову. Огонь предал ему форму и жизнь.

Хильде было сложно понять происходящие. Человеческое сознание не могло справиться с первозданным хаосом. Будто ничто не имело смысла. Проносились тысячи лет, а может, времени и не было вовсе, но она стояла и ощущала, как мир меняется, как из ноги Имира рождаются первые великаны. Как Один и его братья убивают Имира и творят из него Мидгарт, Асгарт. Великан Имир отдал свою жизнь – и из его плоти было сотворено всё. Хаос состоял из огня, льда и крови. Возможно, она никогда бы не смогла описать то, что уви-

дела. Ностальгические воспоминания, которые она никогда не переживала, никогда не видела до этого момента. Всё это глубоко внутри живёт в каждом человеке. Этот холод. Этот огонь. Эта кровь. Хаос.

От начала и до конца она наблюдала, как творятся миры, как солнце и луна огибают Мидгард и Асгард. Её глаза видели, как Один и его братья вдыхают жизнь в первых людей. Хаос цикличен, повторяется вновь и вновь. Во тьме между Нифельхеймом и Мюспельхеймом, в Гинунгагап – там стояла Хильда и взирала на себя саму, а крошечная Хильда смотрела на тьму Гинунги и видела там нечто знакомое.

Хильда наблюдала за созданием вновь и вновь, и начала она понимать законы, движущие этим процессом. Она осязала время, которое отличалось от того, что царит в Мидгарде. Она карабкалась по замерзшему Имиру, к самому его глазу, который был в пять раз больше неё. Её теплая ладонь топила лёд, и кислота не причиняла ей вреда. Зрачок Имира сузился: он увидел её. Лёд стремительно таял, Имир уменьшился до размеров Хильды. Он был не красив, но и не уродлив. Его длинная борода доставала до его голого торса. Его губы были сухи, а глаза полны вспышек, таких же, как в Мюспельхейме. Хильда тянулась к нему своими губами. Огни Мюспельхейма продолжали топить лёд. Шипение. Пар. Реки кислоты стекали в Гинунгагап. Она чувствовала его губы: они так знакомы, практически родные. Веки её опустились под гипнозом от вспышек в глазах создателя всей жизни.

Она открыла глаза. Остров, жертвенник – всё на месте. В голове было мутно, ей захотелось прилечь на мягкий мох. Глаза слипались: она очень устала. И где-то отдалённо она теперь слышала шипение льдов Нифельхейма и стрекот огня Мюспельхейма.

Áttunda réttarhöldunum: þekkingu¹⁶

Её пробудили лапы Мунина, который прыгал на её груди. И только открыв глаза, она поняла, что не видит она так же, как раньше. Известно ей теперь было, где она. Известен был ей каждый уголок девяти миров, и её переполняло знание. Одина не было на острове – только она одна. Мунин улетел, оставив одно перо, которое приземлилось Хильде на ладонь.

Портал был разрушен, его мраморные куски валялись на земле. Хильда подняла один из них, внимательно изучила и положила назад. Она испила из колодца Мимира, наблюдала за созданием мира – оставались руны, самый сокровенный и загадочный источник знаний. С острова она могла видеть ветви древа Иггдрасиль, что тянулись ко всем мирам.

Впервые подул ветер. Он дул беспорядочно, постоянно меняя направления, будто ища паруса. Лодки у берегов не было. Хильда решила ждать. Инстинкт подсказывал ей, что ветер принесёт с собой то, что доставит её к ветвям.

¹⁶ Испытание восьмое: знание.

Что-то ударило о берег острова. Хлопал парус, где-то покатила бочка и глухо стукнулась. На землю ступил высокий мужчина, чудаковато одетый лишь в рваные штаны и плащ, застёгнутый вокруг шеи. Хильда удивлено посмотрела на моряка.

– Ай, – окликнул её незнакомец. – Ветер меня принёс сюда, знаешь, где я?

– Гинунгагап, – ответила Хильда. – У тебя добрая ладья.

– Ну да, – ответил моряк. – Сам Ньёрдир её строил для меня! – незнакомец осмотрел крохотный остров и спросил: – Что ты здесь делаешь?

– Прохожу испытания Всеотца, – Хильда подошла к его кораблю. – Доставь меня к тем ветвям.

– Только если покажешь мне, как выбраться отсюда назад в Ётунхейм.

– Договорились.

– Как тебя звать? – спросил незнакомец.

– Хильда Кусачий Меч. Тебя?

– Норвид, Странник Девяти Морей.

Им удалось спустить корабль на воду, и тут подул попутный ветер – корабль тронулся. Парус был полон ветра, иплыли они быстро. Норвид отошёл от штурвала ладьи и присел с Хильдой. Он старался мило улыбаться, но Хильда холодно смотрела на него и то и дело глядела на ветви. Видимо, молчание давило на Норвида: он то и дело пытался разговорить Хильду, но та отвечала «да», «нет» или не отвечала вовсе.

– Как я доберусь до морей Ётунхейма? – спросил Норвид.

– Как только мы достигнем первой ветки, я тебе скажу.

– В твоих глазах пылает знакомый мне пожар – жадность. – Хильда молчала. – Молчи, не разглашай ничего, верно.

Хильда не могла унять в себе голод к познаниям. Она была готова выпрыгнуть из кожи вон, свернуть каждому шею, но получить знания рун. Саму себя узнать ей было сложно, из головы вылетали все мысли. Забылись цели, причины её пребывания. Забылась боль и печаль. Норвид будто видел это всё.

– Я вижу у тебя на поясе мешочек с головой, – Хильда вздрогнула, когда её рука коснулась ткани. – К чему тебя тянет жадность? К крови? Богатству? Знаниям? – Хильду передёрнуло. В голове будто бушевал шторм, где волны крушили драккары о скалы.

– Не могу вспомнить... – Хильда старалась бороться с тем, что овладело ей. – Моя цель?

– Да, Хильда Кусачий Меч, расскажи мне о своей цели.

– Кого-то спасти... – воспоминания были словно закрыты на замок, и из сотни ключей лишь один открывал дверь к одному из воспоминаний. – Он был мне близок... Этот человек.

– Забудь о нём, – прозвучал у неё в голове голос.

Она огляделась: Норвид сидел молча, и никого больше не было.

– Моя цель... – Хильда поднялась и оперлась о мачту. – Ска...

– Он нам не нужен, – прозвучал вновь голос в её голове.

– Хильда, твоя цель – близкий тебе человек! Ты сможешь, – Норвид держала её за руку и помогал ей стоять.

– У тебя нет близких, – голос звучал мерзко, самодовольно. – Нам никто не нужен – только знания.

– Я не узнаю... – Хильда схватилась за голову.

– Нет, ты знаешь кто я. Мы всегда желали быть мудрее, тянулись к знаниям! – воительница узнала саму себя в этом противном голосе.

– Знания? Нет! – Хильда давила ладонями на голову и начала колотить её. – Я не забыла! Не могла! Нет! Нет!

Норвид старался её держать, но ладья врезалась в ветвь, образовав пробоину в корме. Норвида отшвырнуло к носу, и его крохотная голова ударилась о бочку. Хильда тоже упала, лицом вниз, из носа текла кровь, колени были расшиблены, ладони покрыты занозами. Ладья тонула, Странник Девяти Морей был уже под водой, и его тело всплыло спиной вверх.

– Скалли! – Хильда вспомнила.

Её тело наполнилось силами, и она бросилась к Норвиду. Ухватив его, она взобралась по ветке вверх и уложила его. Толстая, размером с десяток драккаров, лишь одна из многих ветвей древа Иггдрасиль. На одной из таких себя подвесил Один.

Норвид не дышал, Хильду загрызал стыд, что из-за её

опьянённости знаниями погиб хороший человек. По крайней мере она пыталась его спасти.

– Знания опасны, – голос Одина не принёс ей никакой радости. – Если ты решаешь открыть свой разум для них, то будь готова, что последуют жертвы.

– Кому как не тебе об этом знать, Всеотец? – Хильда не была зла, скорее, расстроена.

– За знания я был готов и до сих пор готов отдать кого угодно и что угодно. Вопрос: стоят ли они того?

– Я никогда не просила об этом, – Хильда грустно посмотрела на Норвида.

– Закончи испытания – и меч станет твоим. Путь в Хельхейм сам покажет себя, и ты совершишь своё предназначение.

Один взмахнул рукой – и за Хильдой открылся новый портал. Древо выглядело удручающе: листва опала, а кора потрескалась. Этого было достаточно, чтобы понять, что времени осталось мало. Она вошла в портал. Один, не сгибаясь, склонил голову над Норвидом, посмотрел на него и просто ушёл.

Níunda réttarhöldunum: eðli rúnar¹⁷

Её душили. Крепкая петля вокруг шеи удушала Хильду. Чудовищная боль разносилась по всему телу, копьё торчало из её груди, и струйка крови бежала вниз. Хильда была очень высоко над землёй. Так высоко, что деревья казались травой, а моря – лужами. Никакие мысли не прокрадывались к ней в голову, только желание избавиться от петли.

День сменился ночью, а ночь днём. Девять раз прошёл цикл, и петля её порвалась, и с огромной высоты она полетела вниз. Земля стремительно увеличивалась, и деревья уже не выглядели такими крошечными. Плашмя она приземляется в озеро, холодная вода живительна. Кровь из раны поднималась на поверхность. Хильда всплыла и выползла на берег. Гнусное копьё не давало ей лечь на спину. Хильда схватила его и принялась тянуть, пока большая часть копья не оказалась снаружи. Ей удалось вытащить копьё. Боль от раны быстро утихала, и она забыла о ней. В глазах мельтешило что-то красное, неразборчивое.

По озеру плыло кровавое пятно, и из воды на неё смотрели чьи-то глаза, гипнотизируя воительницу. Зайдя по пояс, она увидела под водой своей лицо, а в очах непонятные вспышки и мельтешение, которые выстраивались в ранее виданные символы – руны. Прямые линии собрались в магиче-

¹⁷ Испытание девятое: естество рун.

ские слова, которые ей также знакомы – обереги.

Они шептали, передавали столько знаний зараз. Хильда слушала, смотрела в глаза самой себе и видела в них руну, одну за другой. Костяшки пальцев жгло, она подняла руки: руны выжглись у неё на коже. Шестнадцать рун тянулись от мизинца левой руки до мизинца правой. Три кроваво-красных руны проступили на её ладони – и оставшиеся три на другой её ладони.

Шестнадцать голосов шептали ей как один:

– Знаешь ли ты, как читать их? Знаешь ли ты, как писать их? Знаешь ли ты, как вырезать их? Знаешь ли ты, как испытывать их? Знаешь ли ты, как просить у них? Знаешь ли ты, как поклоняться им? Знаешь ли ты, как даровать их? Знаешь ли ты, как предлагать им?

– Кровью руны скованы, сокровенные знания. От Fé до Ёг знаю я, как испытать, как поклониться, как предложить жертву, как даровать и как попросить у них, – ответила Хильда.

Одновременно руны на её руках загорелись багрово-красным и потухли. Деревья загнулись, листья обратилась в прах и были унесены ветром, озеро иссохло, обнажив подводные камни. Всякая водоросль рассыпалась, а по небу пробежали молнии – ровные, резвые, они переливались между ярко-голубым и тёмно-фиолетовым. Словно кто-то могучий на небесах метает их или ловко стреляет ими из лука.

Хильда была очарованна, и лишь опустив глаза, она заме-

тила, что ни леса, ни озера больше нет. Она была посреди *ничего*, в кромешной тьме, которую освещали молнии. Так ни одна и не изменила своего направления – они били строго на север. Хильда пошла, куда указывали молнии. Когда-то ей рассказывал отец, что молнии на небе – это Тор, что бьёт своим молотом по наковальне, выковывая себе доспехи. Маленькая Хильда обожала стоять в грозу снаружи и думать, что где-то там наверху могучий Тор высекает молнии своими ударами.

Её привело к выжженному полю, на котором лежало пять мёртвых мужчин. В руке каждый держал топор или меч. Хильда прошла между трупами: все мужчины выглядят более-менее одинаково и лицами, и одеждой. Причиной к кровопролитию послужил увесистый мешочек серебра. Богатство заставит даже братьев убивать друг друга, оно сеет раздор среди родных и друзей. Истинное проклятие любого человека и естество руны Фе. У каждого из мужчин на шее были амулеты с заклинанием на несметное богатство, но все как один допустили ошибку в сочетании рун и наслали на себя не благословение, а проклятье.

– Руны коварны, – прозвучал голос Одина, но поблизости его не было. – Без знаний они смертельно опасны, если ты их собираешься заговорить. Помимо письменности они способны на невиданное. Стены Асгарда защищены рунами, которые даже самый искусный маг Ётунов не обойдёт.

– Как мне получить знание? Они со мной стольким поде-

лились, но мало я поняла, – сказала Хильда и подбоченилась.

– Руны можно изучать на своей шкуре... – Хильда слышала, как он затаил дыхание, и она ощущала его ухмылку на лице. – Или принести жертву им.

– Хватит ходить вокруг да около, Отец павших! Какую жертву?

– Они сами тебе покажут, – вполголоса ответил Один.

Хильда посмотрела на шрамы на своих руках, но руны не горели. Она устала от загадок, поисков, и может она бы уже сдалась, если бы не тянущаяся за ней вереница точек невозврата. Скалли уже совсем рядом, она чувствует это. Ей остаётся довериться своему инстинкту и идти, пока не появится знамя.

Стоявшая темнота не походила на ночь: она была необычайно неживой, неподвластной глазу, холодной и жуткой. С поляны Хильде удалось выйти в пролесок и идти между чёрных деревьев, будто кто-то окунул их в чан с краской и небрежно расставил. С просёлка Хильда вышла в полноценный лес и продолжила брести – пейзаж менялся. Синие огоньки, как светлячки, хаотично планировали от дерева к дереву. Хильда следила за ними и уловила траекторию, по которой они двигались. Два огонька вырисовывали руну Райдо, а другие три руну Тюр. Она была на верном пути.

Девочка, совсем одна в этом лесу. Хильда перепугалась, прищурила глаза, пытаясь разглядеть лицо во тьме. Светлые волосы девочки выделялись и блестели как золото. Хильда

осторожно подалась вперед – девочка отшагнула.

– Что ты делаешь здесь? – спросила Хильда. – Как тебя зовут?

Девочка мотнула головой и рванула вглубь леса – Хильда за ней. В голове Хильды скакала мысль: это часть испытания или малютка действительно потерялась?

Погоня была долгой, Хильда еле дышала, а девочке хоть бы хны. Они остановились. Шустрая девочка бодро смотрела на взрослую версию самой себя. Хильда поняла это во время погони, когда ей удалось схватить малютку за рукав, и лишь на мгновение она увидела знакомые черты лица, знакомые зелёные глаза. Девочка насупилась и топнула ногой:

– Зачем тебе это? Мы могли бы быть кем угодно, но ты предпочла жизнь воительницы!

– У меня не было выбора, – переводя дыхание, отвечала Хильда. – Ты права: у нас были все возможности стать кем-то лучше, но толку? Я достигла славы, всего самого наивысшего!

– Ценой тысячи жизней! – буркнула девочка. Её глаза сверкали как два зелёных драгоценных камня.

Хильда подошла ближе к ней и крепко обняла. На руке засверкали руны цветом огня, переливаясь от жёлтого к синему.

– Мне жаль, что всё вышло именно так, – девочка обняла Хильду.

– Ты меня забудешь, как и их? – из тени позади маленькой

Хильды вышли её родные, включая Хьялмара.

– Мне бы так не хотелось...

– Ради Скалли? – казалось, понимающе спросила девочка, но в голосе её звучала мольба.

– Ради Скалли, – Хильда сжала губы, и глаза её намокли.

– Неужели один человек стоит воспоминаний о пятерых?

– Когда я была маленькой, мир казался простым: есть плохое, есть хорошее, нет ничего между. За плохие деяния тебя наказывают, а за хорошие хвалят. Мир полон красок, есть всё, о чём только можно мечтать. Но потом мир рушится.

– Он разрушился и для тебя? – спросила девочка.

– Со смертью матери я не могла смотреть на счастливых людей. Хьялмар пытался меня успокоить, заставить смеяться, но я была погружена в обиду, что мать оставила нас так рано. Не было её вины, и любила я её очень сильно, из-за этого во мне просыпалась обида. Лишь обретя Скалли, я смогла вновь улыбаться и смотреть на мир иначе.

– В Хельхейме только воспоминания о нём будут с тобой, – заявила девочка.

– Он стал для меня всем – моим солнцем, моей луной; моим дыханием и моим сердцебиением.

Хильда встала на колени и с невыносимой грустью посмотрела на саму себя, на свою мать, Хьялмара, отца и старого друга. Она будет скучать по ним, если когда-либо ещё вспомнит о них. Руны ясно давали знать, какую жертву они хотят. Это жестоко, но и плата честная за их могущество. Ей

лишь оставалось сказать одно:

– Я жертвую свои воспоминания о себе самой и близких мне людях.

Было невыносимо наблюдать за тем, как тени матери, отца, брата и друга рассыпаются в прах и взмывают вверх. На всегда забытые, всякое воспоминание о них пропало, словно их никогда и не существовало. Будто в сердце кто-то вложил кусок льда, такой холодный, жгучий. Пальцы крепко вцепились в колени. Маленькая Хильда смотрела на себя взрослую и озорными детскими глазами улыбалась – Хильда улыбалась в ответ и не сдерживала слезы. Сначала девочка превратилась в тень, а затем растворилась в воздухе, оставив за собой легкий, беззаботный детский смех.

Sverði¹⁸

Считать ли это победой или поражением? Никто не напишет саги о Хильде Кусачем Мече, которая проделала путь, почти не совместимый с жизнью. Она так много раз была на грани, её жизнь могла оборваться, но что-то спасало её – судьба?

Лес, тьма – всё исчезло, будто некто стянул полотно. Она стояла у могучего дерева, на коре которого горели руны. Из дерева торчал меч, его лезвие блестело само собой, отливая то голубым, то красным. Руны на её руках зажглись, Хильда обхватила рукоятку меча и вытащила его – в руке он сидел как влитой.

Ничего особенного в мече не было – таким она сражалась большую часть своей воинской жизни, но прежде она не видала такого дола меча, в котором горит живое пламя, а лезвие от кончика до гарды зачаровано рунами. Взяв его в руки, она ощутила могущество, силу богов. Хильда достала сакс из ножен и вставила туда меч: подошло идеально.

– Тебе удалось, – прозвучал голос Одина.

– У меня есть меч, теперь я смогу убить Хель и освободить Скалли!

– Боюсь, ты преувеличиваешь, – Всеотец остановил Хильду рукою в грудь, та сразу потянулась к мечу.

¹⁸ Меч.

– Не забывай, что у меня есть меч, способный убить бога!

– Не ты станешь моей погибелью, самоуверенная Хильда Кусачий Меч, – Один ослабился. – К тому же я единственный, кто знает путь до моста Хель в обход рек Слит, Гьель и Лейп.

– Тогда показывай, – Хильда отошла и вежливо дала ему вести.

– Это твоё последнее путешествие, Хильда, дочь Харальда.

Хильда смолчала. Она бросила сакс на землю, её рука сползла на мешочек с головой Скалли, и тихо про себя она шептала: «Я уже близко, любовь моя. Я близко».

Kafla sex: bara eins og svefn¹⁹

Над крепостью Хель висели громовые тучи, ветер нёс запах гнили, стоны и мольбы доносились из рек Лейп и Слит. Хильда следовала за Одним, недоверчиво смотря ему в спину. Всё закончится здесь, она так долго шла к этому, и вот наконец перед ней предстают огромные ворота в чертоги Хель. Ворота из металла с золотыми змеями, что заплетаются в косу и на самом верху грозно шипят друг на друга. У врат сидела великанша Модгуд, в руке она держала огромный ключ размером с копьё, а в другой здоровую дубину.

Хильда шла по мосту, который называют «Тропа в Хель». Её глаза ужаснулись, увидев реки Слит и Лейп, ужасы, царившие в них, взгляды, которые кидали мертвецы, вызывали у неё панику, чувство незащищённости и страх. словно каждый мертвец влезал ей в грудь и притрагивался к сердцу, внося в него смертный холод.

Один остановился на полпути, Хильда встала за ним. Плащ Одина забился на ветру, его капюшон слетел с головы, обнажив его седые волосы.

– Отсюда ты пойдешь одна, – сказал Всеотец и развернулся к воительнице.

– Ты не последуешь дальше? – вопрос был больше рито-

¹⁹ Глава шестая: словно сон

рический, но Отец павших ответил на него.

– Для меня нет прохода в мир мёртвых, – впервые на лице Одина Хильда смогла заметить поблёскивающие глаза, как будто там скапливались слёзы. – Это твой путь, Хильда Кусачий Меч. За воротами твой муж, твоя битва и твоё завершение саги.

– Ты лишил его Вальгаллы, Всеотец, – строго заговорила Хильда. – Тебе я этого не забуду. Освобожу я его и верну в ряды Ейнхьярнар, где его законное место.

– Если бы ты знала, Хильда, что стоит за его смертью и насколько всё происходящее важно, ты бы не смотрела на меня как на холоднокровного убийцу.

– Норны тебе судьи, Всеотец. Прощай.

Хильда была готова. Мост скрипел, прогнившее дерево трещало, хрустело. Крепость Хель, куда попадают все, кто сгинул вне битвы, выглядела мрачно, но не достаточно, чтобы напугать воительницу. С вершины скалы стекали ядовитые реки и впадали в Слит, Лейп и Гьёлль, а вход в неё закрывали ворота. Рука Хильды крепко сжимала рукоять меча, и руны на ладонях и костяшках загорелись красным, цветом свежей крови.

Великанша Модгуд дремала, притулившись к шершавой стене. Ключ был зажат крепко между её ног, и Хильда бы никогда в жизни не смогла его поднять.

– Ты тут, – прозвучал радостный голос Скалли. – Ты добралась, Хильда!

– Да, любовь моя! Я пришла за тобой, – Хильда посмотрела на великаншу. – Я освобожу тебя, Скалли.

Хильда запрыгнула великанше на колено, та пробудилась, но у её горла Хильда уже держала меч. Пламя, которое горело на доле меча, обжигало подбородок синекожей великанши. Она сардонически засмеялась, Хильда прижала меч к её глотке.

– И ты думаешь, я испугаюсь никчёмной человеческой женщины? – Модгуд фыркнула.

– Тебе стоит бояться меня, – Хильда достала топор и с размаха ударила её по щеке, так что топор застрял всем лезвием. Модгуд заохала. – Ты откроешь ворота для меня.

– Если я это сделаю, то сама Хель убьёт меня – с чего мне страшиться смерти от тебя?

– Потому что я буду убивать тебя медленно, пока ты не начнёшь молить о пощаде.

Модгуд громко засмеялась и, несмотря на топор в её щеке, схватила Хильду одной рукой, как куклу, метнула в сторону. Топор свисал с её щеки, она потянула его, но от боли скривила лицо и оставила эту затею. Хильда поднялась, меч всё ещё был в её руке, и она готова была дать бой великанше.

От ударов Модгуд сотрясалась земля, и камни рассыпались в пыль. Пока у неё дубина в руке – она опасный противник. Хильда контролировала свою ярость, баланс между спокойствием и неистовой яростью. Нужно поймать момент. Модгуд не давала Хильде подойти близко. Шаг влево, шаг

вправо, пережат. У великанши заканчивались силы, и удары её стали становились всё слабее и длиннее – это была идеальная возможность. Хильда ждала удара, дубина стукнула по земле, меч свистнул, и рука Модгуд осталась держать дубину, которая грохнулась на землю, как срубленный ствол дерева. Великанша упала на колени и оставшейся рукой держалась за кровоточащее отсечение. Кровь брызгала Хильде на лицо, суровый оскал – и меч вновь у глотки Модгуд.

– Ты откроешь мне врата! – Хильда надавила мечом – и кровь побежала по шее великанши вниз к груди.

Первая победа. Модгуд встала, одной рукой подняла ключ и провернула его три раза. Врата щёлкнули, пыль посыпалась из щелей – давно никто не открывал их. Змеи на самом верху извергли протяжное шипение, и по их чешуе побежала коричневая вода – яды реки Слит.

Пустой коридор открылся взору. Хильда метнула взгляд вперёд, потом на Модгуд, которая страдальчески пялилась на свою потерянную руку.

– Где пёс Гармар? – спросила воительница.

– В тени, куда не падает свет, – ответила великанша.

Хильда хотела убрать меч в ножны, но её рука так и тянулась завершить начатое – убить Модгуд. Великанша не успела даже понять, что происходит, как её сердце перестало биться и холодное тело полетело вниз, в реку Гьёлль. Воительница смотрела вслед уплывающему телу и знала, что она будет убивать всех, пока не убедится, что Скалли в Вальгалле.

Тьма всегда преследует Хильду – и сейчас она обрела новый лик – Гармар. С момента, как она вошла, голодные глаза пса смотрели на неё из тени, куда не падает лунный свет – единственный, который пробивается сюда. Хильда шага – и рычание за ней. Когда она останавливалась, рычание перерастало в грозное гавканье. Сколько бы она ни вглядывалась, но пса разглядеть было невозможно – он и был тень.

Голоса умерших хором стонут откуда-то из глубин мрачных коридоров, куда никогда не падает свет. Они заточены в стенах этой крепости, дома Хель, правительницы мира павших.

Такого быть не может: свет обрывается – и коридор дальше полностью погружён во тьму. Путь отрезан и назад, всякий свет пропал, и рычание Гармара исходит из каждого угла, отражаясь эхом от тяжёлой тьмы. Хильда посмотрела себе под ноги и заметила, что стоит в луже, в которой отражаются мертвецы. Она оторопела, посмотрела вокруг – никого не было. Но в воде чётко виднелись лица, хоть и мрачные, но человеческие.

– Ты их видишь? – лицо Скалли появилось на поверхности воды.

– Как мне быть? – Хильда чувствовала себя загнанным в тупик животным. – Пёс Гармар таится во тьме.

– Беги вперёд, – ответил Скалли. – Залы Хель впереди. Не оглядывайся, не открывай глаз – просто беги.

Лица растворились. Рычание донеслось за спиной Хиль-

ды. «Беги и не оглядывайся, не открывай глаз», – так сказал Скалли. Она закрывает глаза, набирается духа и бежит в самую тьму.

Когти пса скребут по полу, Хильда слышит, как он близко, и на своей спине чувствует смрад дыхания Гармара. Её сердце колотится как бешеное, глаза так и желают открыться, но она силой держит их. Когда же коридор закончится! Она больше не может держать их закрытыми, и это была ошибка. Когда она открыла глаза, всю её охватил страх, тело словно заморозилось. Никакого пса рядом не было, но она отчётливо чувствовала его в своём сердце – его лай, его рёв, его рычание.

Ужасные сцены из её жизни замелькали перед глазами. Подобно искрам, которые вылетают из костра – они быстро исчезают и на смену приходят другие. Крики тысяч людей заполнили её уши, в глазах являлись окровавленные, мёртвые, изуродованные, страдающие лица. Сердце было готово остановиться в любой момент.

– Вставай, – прозвучал незнакомый голос. – Вставай, Хильда Кусачий Меч.

Воительница подняла глаза – перед ней стояла она сама, с бледным лицом, с красными глазами и в разорванной одежде. Она уже мертва? Почему она видит и своими глазами, и глазами этой жуткой Хильды? Видит она Гармара, его ужасную пасть, его четыре глаза, острые клыки, массивные лапы и огромное туловище. Пёс стоит прямо за спиной живой ещё

Хильды и игриво пыхтит.

Коридоры залились светом, и пёс, жалобно скуля, покинул жгучий свет – зализывать раны во тьме. Страх отступает вместе с псом. Лёгкий вдох и выдох, рука на мече, другая на... Топор остался в щеке Модгуд. Хильда стиснула зубы, втянула воздух носом, повалил пар, а холода не чувствуется. Ещё одни ворота стоят прямо перед ней, оказывается, она была так близко. Она подходит к ним, кладёт на них ладонь, мурашки пробегают по телу, и она толкает их.

Залы Хель. Серые, угрюмые, как смерть. Четыре моста висят над бездной и ведут они к трону Хель. Мосты соединяли белые платформы. Хильда стояла на противоположном конце бездны, что разделяла её и Хель. Воительница воззрилась наверх – мосты, слово паутина, переплетались на многие сотни метров вверх, и по ним ходили мертвецы.

Голос Скалли звучал, как живой:

– Я в тебя верил, – вон он, стоит у трона Хель.

– Скалли, я иду за тобой! – крикнула Хильда.

– Я должна признать: ты смогла меня удивить, – сказала владычица мира мёртвых. – Такая сила духа, устремлённость, храбрость... Мне такие нужны.

– Скалли уходит со мной! – воительница направила меч на дочь Локи.

– Девочка, – Хель поднялась со своего трона. Она была невероятных размеров. – А что ты дашь мне взамен?

– Я доказала, что способна на многое! В моих руках меч,

который способен убивать богов!

– Какая строптивая, – умилялась Хель. – Ты должна чем-то обосновать, чтобы я его отпустила! Если ты думаешь, что твоя палочка для ковыряния в зубах меня напугает, то ты ой как ошибаешься!

– Мой меч рассекает тьму, и свет мой рассеет мрак! – Хильда вынула меч из ножен и направила его на Хель, которая уже стояла перед ней, а не у своего трона.

– Рассей мой мрак, – Хель улыбнулась.

Одна часть её туловища была полностью сгнившая, с красной кожей от жгучего огня, а правая иссиня-чёрная. Выше пояса она выглядела как живая женщина, но бедра её покрыты были трупными пятнами, ранами, из которых выпадали личинки. Хильда взмахнула мечом в надежде убить Хель, но та была лишь иллюзией, облаком дыма, которое рассеялось от удара воительницы.

Скалли близко, так близко, как никогда ранее. Она бежит по первому мосту, а на платформе, собранной из людских костей, стоят тёмные Ейнхьярнар, вооружённые ржавыми мечами, топорами и щитами. Их много – но и Хильда не одна: с ней взор Скалли, любовь и чувство победы. Она будет биться, будет отражать удары и наносить в ответ смертельные. Говорится, что убить мёртвого невозможно, но Хильда прекрасно доказала обратное – любой падает от её удара.

Горящий меч разрубал гнилую плоть тёмных воинов, как острый нож срезает мясо с кости. Её удары были быстры-

ми, лёгкими, рука её держалась крепко, взгляд был нацеленный, хищный, как у сокола, когда он замечает мышку в траве. Идеальный баланс между спокойствием и яростью: удары полны гнева, но он не ослепляет, а заставляет сердце воительницы биться сильнее. Тёмным Ейнхьярнар приходилось несладко: Хильда двумя ударами перерубала им ноги и головы, одним ударом ей удавалось рубить туловища надвое – и гнилые внутренности расплывались по платформе.

Хель видела всё, она чувствовала Хильду: её страхи, её отвагу, бесконечную любовь к мужу, за которого она бьётся. Такой опытной женщины ранее Хель не видала. Хильда умело приспособилась к новому полю боя. Целая хоругвь бежала по мосту к Хильде, но она перерубила позеленевшие канаты, и все тёмные воины посыпались в пропасть. Сила духа, сила тела Хильды – они заставляли Хель облизываться. Так страстно она желала заполучить эту могучую воительницу.

Вот и всё. Хильда стоит у трона Хель, по уши в чёрной крови, со свирепым взглядом. Хель неспешно встала, похлопала в ладоши – и уменьшилась до размеров обычного человека. Она обошла Скалли, который покорно стоял и мёртвым взглядом смотрел на свою жену.

– Хильда Кусачий Меч, – Хель провела своей ледяной ладонью по щеке Скалли. – Ты стоишь тысячи моих воинов.

– Отпусти Скалли! – Хильда направила меч на богиню смерти.

– Но-но-но, – Хель покачала головой и воздела палец

вверх. – Ты обездоленная, бедная женщина. Ты не в том положении, чтобы просить – ты должна молить.

– Да разорвёт Тор твои лёгкие! – взбеленилась Хильда. – Не забывай, что мой меч с лёгкостью сотрёт всякое воспоминание о тебе!

– Не будь голословной, – Хель криво улыбнулась. – Давай проверим?

Хель медленно подходила к Хильде. Богиня смерти обхватила лезвие меча и насадила себя на него полностью, она двигалась вперёд, до самой гарды, пока не оказалась с Хильдой лоб в лоб. Хель положила на щёку Хильды свою ладонь, холодную как лёд.

– Не может быть... Это же меч, который... – Хильда говорила ослабевшим голосом.

– Не стоит верить всему, что говорит Седобородый, – Хель поцеловала Хильду в лоб. Её поцелуй был холоднее бури Ётунхейма, а губы холодно-мертвецкие.

Хильда отбросила меч, в голове её было мутно. Воительница воззрилась на своего мужа, который стоял неподвижно с прикованным взглядом в никуда.

– Отпусти Скалли, прошу, – Хильда упала на колени и понурила голову. – Я молю тебя!

– Да, моли громче – и Скалли займёт правое место на скамьях Вальгаллы! – Хель наслаждалась мольбами Хильды, которые звучали всё громче и громче.

Хель подошла к Хильде и протянула ей руку – воительни-

да поднялась и со слезами на глазах нашла упокоение в очах богини смерти.

Скалли не стоял больше у трона Хель. Он пирует сейчас со своими предками, рассказывает истории и вряд ли вспомнит о своей жене, которая проделала путь, не совместимый с жизнью.

Хильда отвязала холщовый мешочек, который на протяжении всего пути был единственным успокоением, чем-то, что связывало её с миром живых. Голова в мешочке полетела вниз, в самую темнейшую из бездн, где умирает даже свет, – Нифльхейм.

– Пройди со мной, – Хель взяла Хильду за руку и повела её из тронного зала на улицу.

– Что со мной будет? – спросила Хильда обречённо.

– Ты ещё жива, и забрать я тебя не могу, хотя хотела бы, – Хель показала ей туманности Нифельхейма, который растянулся под Хельхеймом.

– Словно сон, – тихонько сказала Хильда. – Я будто спала – и это всё мне приснилось. Но я же не сплю? Мне не снились ужасы, которые я пережила, так ведь?

– О нет, Хильда Кусачий Меч, – ответила Хель. – Всё, что с тобой произошло, – правда.

– Ощущения совсем иные – словно сон. Самый кошмарный, печальный и трагичный.

Резкая боль в груди, по телу потекла тёплая кровь, Хильда опускает глаза – из её груди торчит наконечник копья. Изо

рта вытекает густой сгусток крови, но взгляд её не печальный, а освобождённый. Её тело падает на холодный каменный пол, Хель опускается перед ней и довольно поглаживает её по волосам. Фигура стоит за Хель – она ей знакома – Лицо-Тень. Капюшон скрывает его ухмылку. Хильда слышит в последний раз шаги, мягкие, изящные.

– Сын, – Один стягивает капюшон и в свои объятия он заключает Бальдура.

– Ты отлично исполнил свою часть уговора, Седобородый, – Хель обмакнула пальцы в крови Хильды и облизала их. – Она прекрасной породы!

– Оди-и-и... – прохрипела Хильда.

Это был её конец. Она умерла с открытыми глазами, с пробитой грудью, но лёгким сердцем. Хель получила её – и теперь до самого Рагнарока Хильда будет ей служить, и в последней битве она сойдётся мечом к мечу со своим мужем, и пусть они будут врагами, но она увидит его ещё разок.

Один торопливо объяснял Бальдуру проблему. Хель незаинтересованно фыркнула и удалилась в свой тронный зал. Прекраснейший из богов понимающе кивал, и только он хотел вставить слово, как его схватила тяжёлая рука Бога Гро. Гро посмотрел на павшую Хильду, сжал губы от злобы и оттолкнул Бальдура. Боги удалились.

Бальдур сидел у трупа Хильды, полушёпотом рассказывал ей о чём-то своём. В какой-то момент он остановился, закрыл её глаза, с уважением посмотрел на её воинские руки.

Ему стало жалко эту замученную женщину. Её кольчуга и одежда выглядели удручающе, волосы уже давно потеряли свой естественный цвет. Светлейший из Асов тихо сказал:

– Твоя сага в девяти мирах окончена, – Бальдур поднялся. – Но начинается новая – и начинается она здесь.

Сын Одина быстро скрылся в тёмных коридорах, оставив тело Хильды на улице. И вот она уже стоит над своим мёртвым физическим телом, её одежда истерзана, кожа бледная, вены черные, глаза красные. Хельхейм теперь её дом до самого Рагнарока.

– Нам надо поговорить, – за спиной стоял высокий, с короткими волосами мужчина.

– Да, Гро, надо.

Благодарности

За невероятную поддержку и напутствия я хочу поблагодарить своих родителей и друзей, которые верили в мою работу и видели в ней нечто большее. Также огромное спасибо всем людям, кто смог прочесть книгу, поправить меня в некоторых местах и направить мои мысли в нужное русло. И вряд ли Джексон Крафорд (Jackson Crawford) увидит это, но благодаря его академическим книгам и видео мои знания по исландскому языку и скандинавской мифологии настолько глубоки, что мне удалось сделать из старых мифов – новые! Огромная благодарность ему!

Список музыки для вдохновения

Никогда не видел такого в книгах, но не отдать должное музыкантам, которые восполняли моё вдохновение каждый день, я не могу. С этой книгой связано множество песен, которые вызывают те или иные ассоциации. Не поделиться с читателями – это преступление. Не вся музыка может понравиться кому-то по вкусу, но прослушать стоит.

Музыка – это не только мотив и текст, нет – это живая вселенная, наполненная эмоциями и будоражащими ощущениями. Музыка – живая.

Danheim – Valravn, Fegurð, Nóatún, Kala

Danheim & Gealdyr – Ymir

Gealdyr – The seeress, Valravn, Ginungagap

Heilung – Traust, Krigsgaldr

Passarella Death Squad – Just like sleep

Myrkur – Nordlys

Wardruna – Feho, Helvegen, Tyr, Isa, UruR, Andvevarljod,

Kvitravn, Skugge, Heimta Thurs, Algir-Tognatale

Skáld – Norðrljós, Jörmungrund, Oðinn

Hrafngrímr – Rúnir